

Ангел во плоти

Автор:

Джоанна Линдсей

Ангел во плоти

Джоанна Линдсей

Королева любовного романа

Красота Анджелы не давала покоя многим, но с юных лет сердце ее принадлежало прекрасному Брэдфорду. Он был сыном плантатора-миллионера, она – дочерью бедняка. Казалось, у Анджелы нет ни малейшей надежды на счастье, но жизнь щедра на сюрпризы...

Джоанна Линдсей

Ангел во плоти

Роман

Моей матери, чья любовь и поддержка для меня бесценны.

Автор

Johanna Lindsey

Glorious Angel

* * *

Печатается с разрешения Avon, an imprint of HarperCollins Publishers, и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Johanna Lindsey, 1989

© Перевод. Э. Г. Коновалов, наследники, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

Анджела Шеррингтон бросила в камин еще одно полено.

– Черт бы меня побрал! – выругалась она, глядя на взметнувшийся столб искр и упавшие на пол угольки.

Надо же было сделать такую глупость – израсходовать все спички! И теперь она вынуждена была поддерживать огонь весь день и всю ночь. Иначе как выжить здесь, в этой лачуге, которую Анджела называла своим домом?

Еще раз бросив раздраженный взгляд на камин, Анджела вышла на узенькое крыльцо, прилепившееся к однокомнатной хибаре. Она мечтала о ветерке. Было душно и жарко – не меньше восьмидесяти градусов[1 - Около 27 °C.]. Она снова выругалась. В этом безрадостном 1862 году со спичками было напряженно. Впрочем, война сделала дефицитом чуть ли не все, что нужно для жизни, и ей следовало быть бережливее.

Ферма Шеррингтонов, если ее вообще можно было так назвать, находилась менее чем в четверти мили от реки Мобил и в нескольких часах езды от города

Мобила, одного из крупнейших городов в Алабаме. Вокруг виднелись голые поля, среди которых стояла развалюха с прогнившими стенами и протекающей крышей. Когда-то давно домишко, должно быть, знавал лучшие времена, о чем свидетельствовали остатки побелки на стенах. На крыльце были два ветхих плетеных стула и большой деревянный ящик, служивший столом.

Анджела заставила себя войти в дом и начала месить тесто на кухонном столе. Жара сводила с ума – сзади горел камин, раскаленное солнце за окном светило в лицо. Плюс еще и тревога за отца. Он отправился вчера в Мобил, чтобы продать собранное зерно. Должен был возвратиться в тот же день к вечеру, но так и не вернулся, и в четвертый раз в своей жизни Анджела провела ночь в одиночестве. И все четыре раза приходились на военное время.

Тяжело вздохнув, Анджела выглянула в окно и посмотрела на рыжее поле. Они с отцом планировали сегодня его вспахать и приготовить под посадку гороха и фасоли. Анджела могла бы начать работу самостоятельно, если бы у них был хотя бы еще один мул. Но второго мула у них не было, а старую Сару отец запряг в фургон. Черт побери, куда же он запропал?

Анджела проснулась еще до зари. Она любила заниматься уборкой по утрам, потому что летом только в эти часы в доме было достаточно прохладно. Дом у них небольшой, но никто не скажет, что она не поддерживает в нем чистоту.

Анджела вытерла с лица пот. Она попыталась отбросить тревожные мысли, но это ей не удалось. В трех предыдущих случаях отец не вернулся к ночи, потому что хватил лишнего после продажи зерна. Она хотела надеяться, что и в этот раз он всего лишь напился, а не ввязался в какую-нибудь драку.

Анджела привыкла сама о себе заботиться и сейчас боялась вовсе не за себя. Даже дома отец частенько напивался и затем отлеживался в постели. Ей это было не по душе, но она ничего не могла сделать. Уильям Шеррингтон был пьяницей.

В силу необходимости Анджела начала охотиться. Иначе можно было с голоду умереть, дожидаясь, когда отец выйдет из пьяного оцепенения. Одним выстрелом она могла убить бегущего мимо кролика.

Да, она могла сама о себе позаботиться, но это не уменьшало ее беспокойства об отце.

Через некоторое время звук подъезжающего фургона заставил Анджелу радостно встрепенуться. Давно пора! В одно мгновение ее раздражение улетучилось. Сейчас отец расскажет все новости.

Но к высоким кустам можжевельника приближалась не старушка Сара. Две серые кобылы тащили за собой запыленную, заляпанную грязью повозку. А правил лошадьми человек, которого Анджела меньше всего хотела видеть.

Глава 2

Билли Андерсон осадил лошадей. Всю дорогу он мчался так, словно за ним гналась армия янки. Шанс, которого Билли давно дожидался, неожиданно представился ему сегодня утром, когда он узнал, что Уильям Шеррингтон валяется пьяный на улице, а его дочь осталась дома одна. Билли хмыкнул, перебирая в уме события дня.

Утро началось как обычно. Жаркое солнце быстро прогнало прохладу ночи. Предстоял еще один душный день, который наверняка станет очередным испытанием для нервов и самолюбия. Билли лениво потянулся, потер глаза, пытаясь согнать дремоту. Прежде чем открыть отцовскую лавку, он выглянул на улицу. Торговцы зазывают покупателей, слуги спешат на рынок, дети резвятся, пока одуряющая жара не загонит их в прохладу дома.

Все как обычно, подумал Билли. Хорошо, что в Алабаме в отличие от других южных штатов не шли бои. Союзная армия находилась за пределами штата, поэтому для многих алабамцев война была понятием абстрактным.

Билли презрительно фыркнул. Янки – трусы, каждый, у кого есть голова на плечах, это знает. Конфедерация выиграет войну, это лишь вопрос времени. Дела снова пойдут в гору. И отец Билли вылезет из долгов.

Билли издал продолжительный вздох и потянулся, пытаясь изгнать сон из своего жилистого тела. Он подошел к большому столу, на котором был разложен товар, и ткнул пальцем в рулон хлопчатобумажной ткани, лежавшей поверх более дорогих – шерстяных и шелковых – отрезков. Он уже не мог припомнить, когда у него последний раз покупали даже самую дешевую хлопчатобумажную ткань.

Сейчас были трудные времена для всех без исключения. Но долго так продолжаться не может. И в один прекрасный день эта лавка станет собственностью Билли. Хотя сердце у него и не лежало к торговле. Если честно, его не интересовало ничего, кроме женщин.

Билли ухмыльнулся, неторопливо подошел к длинному прилавку, где хранился ящик с деньгами, и тяжело опустился на трехногий стул. Пригладив рыжеватые волосы, Андерсон-младший затем расположил стул таким образом, чтобы спинка его уперлась в полки, а сам юноша смог положить ноги на прилавок.

Сэма Андерсона хватил бы удар, если бы он увидел сына в такой позе. Но Сэм Андерсон вряд ли появится раньше чем через час, поскольку вчера допоздна засиделся со своими дружками. Отец Билли любил играть в карты, кости и другие азартные игры, и Билли научился сохранять спокойствие, когда его отец говорил:

– Всего один крупный выигрыш – и мы вылезем из долгов.

Однако фортуна была отнюдь не на стороне Сэма Андерсона, как это случалось до войны. Он проигрывал и брал займы, снова проигрывал и влезал в еще большие долги.

Билли насторожился, когда зазвенели крохотные колокольчики над дверью. Он вытаращил глаза от удивления, когда увидел двух входящих в лавку молодых женщин. На их запястьях висели отделанные кружевами яркие цветастые зонтики. В одной из них Билли узнал девятнадцатилетнюю Кристал Лонсдейл – могущественную принцессу плантации «Тени», в другой – ее подругу Кендиз Тейлор. Кристал была великолепа, особенно впечатляли ее большие голубые глаза и мягкие белокурые волосы. На вкус Билли она была, возможно слишком худошавая, но безусловно красива и относилась к числу самых престижных невест в графстве.

Кендиз Тейлор была несколькими годами старше Кристал. Из-под ее синей шляпки выбивались черные, цвета воронова крыла волосы, а прозрачная голубизна глаз удивительно напоминала чистое лазурное небо на утренней заре. Она была дочерью друга Джекоба Мейтленда, к которому приехала погостить из Англии. Красотой она не уступала Кристал и отличалась изысканностью манер.

Билли обошел прилавок и приблизился к двум модницам, одетым одна в розовые, а другая в голубые тона. В этот момент он с досадой подумал об убожестве своей одежды.

– Могу я вам чем-нибудь помочь, сударыни? – спросил он как можно галантнее, изобразив при этом сладчайшую улыбку. Кристал бегло взглянула на него и тотчас же отвернулась.

– Вряд ли. Не могу понять, с чего это Кендиз решила зайти сюда.

– Никогда не лишне сделать выгодную покупку, Кристал, – чуть смутившись, ответила Кендиз.

Впрочем, ее смущение не шло ни в какое сравнение с тем смятением, которое испытал Билли, увидев, что молодые женщины повернулись к двери, и слушая, с каким раздражением Кристал отчитывала подругу:

– Право, Кендиз! Твой отец не менее богат, чем мой. Когда мистер Мейтленд просил, чтобы я сопровождала тебя при посещении магазинов, я не могла и предположить, что тебя заинтересуют места вроде этой дыры.

Билли рассвирепел. Чванливые, высокомерные сучки! Он готов был вышвырнуть Кристал Лонсдейл на улицу. Однако он знал, что отец сломает об него хлыст за один только дерзкий взгляд в ее сторону. Она была на короткой ноге с семьей Мейтленда. А Джекоб Мейтленд баснословно богат. И к тому же он был именно тем самым человеком, кому Сэм Андерсон основательно задолжал.

Билли вернулся за прилавок и снова опустился на стул. На его побледневшем от гнева лице проступили веснушки.

Билли пошел бы на все, чтобы быть таким же богатым, как Мейтленд. Билли всегда завидовал Мейтлендам. Он до сих пор помнил тот день, когда пятнадцать лет назад Мейтленды появились в Мобиле. Билли тогда приехал с отцом на пристань, чтобы принять партию товара. Большой корабль только что причалил. Его единственными пассажирами были Джекоб с женой и двумя сыновьями. Билли с благоговением смотрел на их богатую одежду, на ожидавшую их великолепную карету и многочисленные сундуки и корзины с имуществом.

О Джекобе Мейтленде говорили, что деловые интересы его исключительно обширны и что он один из богатейших людей в мире. Он владел недвижимостью, рудниками, шахтами, железными дорогами и имел капиталовложения по всему миру. Этого Билли не знал, но у него не было сомнений, что Мейтленд был самым богатым человеком в Алабаме.

Джекоб Мейтленд относился к числу людей, которым не обязательно было находиться на Юге, пока здесь шла война, ибо они могли жить в любом уголке мира. Тем не менее он предпочел стать южанином и поддерживать Юг. Поддержка его выражалась не только в деньгах, но и в том, что он отправил своего младшего сына Закари в армию. Старший сыт остался при нем, чтобы управлять семейными делами. Так что здесь находился человек, которому Билли страшно завидовал, – Брэдфорд Мейтленд. Он владел всеми этими деньгами, мог жить, как ему хотелось, и путешествовать по всему свету.

Хорошо быть одним из Мейтлендов! Как здорово быть сыном Джекоба Мейтленда! Билли с детства мечтал об этом. Правда, он давно выбросил из головы эти дурацкие мысли, но зависть мучила его по-прежнему.

Он насторожился, услышав донесшиеся до него слова.

– Вон, посмотри, сюда приходит даже такая шваль, как Шеррингтон, – презрительно сказала Кристал.

– Ты имеешь в виду того беднягу, которого показывала мне? Который валяется в переулке?

– Да, того отвратительного пьянчужку... Это Уильям Шеррингтон... Кстати, он живет всего в миле от «Золотых дубов»... Не понимаю, почему Джекоб Мейтленд

не прогонит этого типа со своей земли!

- Наверно, жалеет его, - проговорила Кендиз.

- Господи, Кендиз! Нашла кого жалеть! Давай побыстрее уйдем отсюда, пока нас никто не заметил.

«То-то, - ухмыльнулся Билли. - Катитесь отсюда, принцессочки поганые, пока ваши спесивые дружки и подружки не увидели вас. Сучки паршивые!»

Кровь у него закипела, когда он услышал новость об отце Анджелы Шеррингтон. На эту дикую, своенравную девчонку он уже давно глаз положил. Хотя ей исполнилось всего четырнадцать лет, за последнее время она как-то неожиданно налилась соками и стала самым соблазнительным кусочком из всех девчонок этого фермерского отребья.

Билли едва узнал ее, когда несколько месяцев назад Анджела вошла к нему в лавку. Куда девался худенький подросток с нечесаными каштановыми патлами! Формы ее тела округлились, изменилось и повзрослело лицо. Анджела Шеррингтон стала откровенно хорошенькой! Глаза ее походили на темно-фиолетовые озера, окруженные густыми черными ресницами. Билли никогда раньше не доводилось видеть глаз такого цвета. Они манили, звали и околдовывали.

После того дня Билли зачастил на ферму Шеррингтона. Прячась за кустами можжевельника, которые образовывали густую изгородь перед домиком, он наблюдал за тем, как Анджела работает в поле со своим отцом. Она обычно носила брюки в обтяжку и хлопчатобумажную рубашку с закатанными рукавами. Билли не мог отвести глаз от округлых ягодиц, когда Анджела наклонялась к земле.

Билли с трудом дождался прихода отца. Выскочив из лавки, он в первую очередь удостоверился в правильности слов Кристал о том, что Уильям Шеррингтон валяется в переулке пьяный.

Момент был исключительно удобный. При мысли о том, что Анджела сейчас одна в своей хибаре, у Билли заняло в чреслах. Сейчас он возьмет ее! Он мысленно представил себе, как она будет извиваться под ним. Он будет первым - ведь это

исключительно важно! Господи, у него нет сил терпеть!

Билли остановил лошадей и соскочил с отцовской повозки.

- Ты далеко вато заехал, Билли Андерсон, - услышал он.

Билли усмехнулся. Кажется, она собирается сопротивляться. Ну что ж, тем больше удовольствие.

- Это у тебя что - такое приветствие? - возмущенно спросил он.

Билли посмотрел на ружье, которое было нацелено на него, затем перевел взгляд на стройные округлые бедра, обтянутые брюками, на туго натянутую рубашку. Крепкие груди, кажется, грозили прорвать грубую ткань рубашки. Лифчика на ней, по всей видимости, не было.

- Что ты здесь делаешь, Билли?

Он поднял глаза на ее лицо, которое даже испачканное сажей и мукой оставалось красивым, встретился с ее взглядом. Увиденное поразило его. Что такое? Она смеялась над ним?

- Я пришел с визитом, - сказал Билли, нервно проводя рукой по волосам. - А что здесь плохого?

- С какого это времени ты начал приходить с визитами? Я всегда считала тебя типом, который трусливо прячется за кустами и боится высунуть нос, - ответила Анджела.

- Выходит, ты знала об этом? - спросил он ровным голосом, хотя щеки его покрылись предательским румянцем.

- Еще бы! Десятки раз видела, как ты прятался вон там. - Она кивнула в сторону можжевельника. - Зачем ты меня выслеживаешь?

- Разве ты не знаешь?

Индиговые глаза Анджелы открылись еще шире и потемнели. Теперь в них нельзя было обнаружить и следов смешинки.

- Только посмей, Билли! Только посмей!

- Ты ведешь себя как-то не по-соседски, - осторожно сказал он, глядя на ружье, которое Анджела крепко держала в руках.

- Никакой ты не сосед, и мне совсем не нужны такие соседи.

- Я пришел просто навестить тебя... Посидеть, немного покалякать. Почему бы тебе не опустить это чертово ружье и...

- Ты сам сказал, зачем сюда пожаловал. Билли, не надо вешать мне лапшу на уши, - холодно проговорила Анджела. - Я не выпущу ружье из рук. И мой тебе совет, побыстрее уноси свою тощую задницу туда, откуда приехал!

- Фи, какая ты грубая и недоступная сучка! - фыркнул он.

Она улыбнулась, продемонстрировав ослепительно-белые зубы:

- Считаю это комплиментом.

Билли решил попробовать другой подход:

- Ну ладно. Если ты знаешь, зачем я пришел, так почему ты такая нелюбезная? Я ведь не просто хочу позабавиться с тобой. Я стану заботиться о тебе. Ты поселишься в городском доме, уедешь с этой фермы, и жить тебе станет гораздо легче.

- А что я должна буду делать, чтобы получить эту легкую жизнь?

- Ты сама знаешь ответ.

- Да, верно. Знаю. И мой ответ - нет!

– А для кого, черт возьми, ты так бережешь себя? – спросил Билли. На веснушчатом лице его проявилось раздражение, смешанное с недоумением.

– Будь уверен, не для таких, как ты.

– Ты можешь мечтать лишь о том, чтобы выйти замуж за какого-нибудь грязного фермера. И всегда будешь жить так же, как сейчас. Ты этого хочешь?

– Я не жалею, – уклончиво сказала она.

– Ты врешь! – рявкнул Билли и двинулся к ней.

– Не подходи ближе! – Голос ее зазвенел. Девушка смотрела прямо в его злые глаза. – Предупреждаю, что подстрелю тебя не моргнув глазом! Мне осточертели парни, которые считают, что тут же поймут меня, стоит им лишь попросить! А большинство даже не просят, а норовят сразу облапать! Я сыта этим по горло, слышишь? У меня нет сил для отпора... Но у ружья есть! Оно разнесет твою самодовольную башку! Поэтому тебе лучше уматывать отсюда, пока этого не случилось!

Билли попятился назад, ясно осознав, что слова Анджелы отнюдь не пустая угроза. Проклятая ведьма!

– Ты еще окажешься подо мной, попомни это! – в бешенстве выкрикнул он, карабкаясь в повозку. – Сейчас ты имеешь дело с мужчиной, а не с мальчишкой.

Она засмеялась.

– Я еще ни разу не стреляла в человека, но все когда-то происходит впервые! Не возвращайся сюда, Билли, а то как бы тебе не оказаться первым!

– Я вернусь! – пообещал он. – И я буду первым. Только не в этом смысле, а в другом. Я поймею тебя, Анджела Шеррингтон! Обещаю это!

Билли Андерсон хлестнул лошадей и умчался прочь, увозя с собой свою ярость.

Глава 3

Анджела захлопнула дверь, задвинула засов и бессильно прислонилась к стене. Сердце бешено колотилось и норовило выпрыгнуть из груди. Анджелу душил гнев, как всегда, когда ей случалось сталкиваться с парнями, подобными Билли. Они что – считают ее шлюхой? Конечно, считают. Иначе почему они постоянно норовят схватить и облапить ее?

Анджела тяжело вздохнула. Она вдруг поняла, что винить может только себя. Она привыкла наказывать мальчишек, которые осмеливались дразнить ее. Тогда они лишь дразнили ее. Это была демонстрация силы с обеих сторон. Но сейчас ей становилось все труднее побеждать в таких схватках. Мальчишки, которые уходили от нее с расквашенными носами, постепенно превращались в мужчин.

Анджела росла без матери и чувствовала себя неуютно в девчоночьей компании. Она предпочитала бегать с мальчишками, но постепенно их поддразнивания и приставания становились все невыносимей. Девчонки ее возраста с ней не общались, темнокожие девочки сторонились ее, потому что она белая. Ее единственной подругой была Ханна, добросердечная и отзывчивая негритянка-толстушка.

Раздался стук в дверь. Анджела вздрогнула и схватилась за ружье. Неужто Билли вернулся?

– Это я, девочка. Тот парень укатил.

Узнав голос Ханны, Анджела распахнула дверь и вышла на крыльцо.

– Эта свинья имела наглость...

– Я знаю, мисси... Я знаю. – Чтобы успокоить Анджелу, Ханна говорила спокойным, ласковым тоном. – Этот мальчик проехал мимо меня по дороге, потом обратно. Я спряталась за деревьями, а потом за домом... Вдруг тебе потребуется помощь!.. Господи, хозяин Мейтленд не потерпит этого, он не потерпит, – пробормотала Ханна себе под нос.

– Что?

– Ничего, мисси, ничего, – быстро проговорила Ханна. Она обняла Анджелу за плечи и усадила ее на ступеньки крыльца. – Ты растешь на глазах... Да-да, растешь и взрослеешь.

Анджела впервые встретилась с Ханной пять лет назад, когда немолодая чернокожая женщина вышла из можжевелевой рощи между «Золотыми дубами» и маленькой фермой Шеррингтона и сказала, что она заблудилась и что едва не теряет сознание от жары. Анджела пригласила ее к себе в дом отдохнуть. А затем Анджела показала Ханне обратную дорогу к «Золотым дубам».

Анджела не могла понять, каким образом служанка из «Золотых дубов» могла заблудиться. Ей лишь нужно было все время идти вдоль реки. Плантация располагалась немного в стороне от реки Мобил, и ее было видно с берега. Вдоль реки тянулась длинная аллея огромных раскидистых дубов, которая вела прямо к усадьбе Мейтлендов.

К удивлению Анджелы, спустя неделю Ханна появилась с мешком муки и корзиной яиц. Она заявила, что хочет отблагодарить Анджелу за то, что та спасла ей жизнь! Как Анджела ни протестовала, Ханна настаивала на том, что долги следует платить. Уильям Шеррингтон счел все это забавным и не видел причины отказываться от продуктов. Еда есть еда, а у Шеррингтонов с этим обычно было негусто.

– Женщина считает, что должна отдать долг... С какой стати нам отказываться? – смеялся Уильям. – Мы же не подаяние принимаем.

После этого Ханна стала приходить к Анджеле каждый месяц и всегда что-нибудь приносила. Перво-наперво это была еда, а с началом войны прибавились еще и булавки, соль, спички, ткани. Сейчас многие вынуждены были обходиться без этих таких необходимых вещей.

Все, что Ханна приносила, она брала из хозяйства Мейтлендов, говоря при этом, что добро никогда не должно пропадать. Каждый месяц Анджела давала себе слово не брать украденное, но Ханне всякий раз удавалось уговорить ее.

Анджела испытывала особое расположение к Ханне, своей единственной знакомой из числа женщин. Для нее не имело значения, что цвет кожи Ханны был иным. Они обе относились к женской половине рода человеческого – молодая девушка и женщина, втрое старше ее, – и им было о чем поговорить.

Чарисса Шеррингтон сбежала от мужа примерно через год после рождения Анджелы. Она пыталась забрать дочь с собой, но отец настиг беглянку и вернул Анджелу, возможно, надеясь тем самым вернуть и Чариссу. Однако она так и не вернулась.

Анджела иногда задумывалась, что бы с ней было, если бы отец их не настиг. И как сейчас выглядит мать. Отец растил Анджелу один, что и объясняло отсутствие у нее женских привычек и наклонностей.

Анджела рассказывала Ханне о своих девичьих проблемах, которыми могла бы поделиться с матерью, но не смела рассказать отцу. Среди прочих тайн она поведала ей и о своей влюбленности в Брэдфорда Мейтленда. Правда, это было еще в прошлом году, до того, как Ханна сообщила ей ужасную правду о старшем сыне Джекоба Мейтленда.

– А к тебе только этот парень пристаёт? – спросила Ханна, возвращая Анджелу к событиям сегодняшнего дня.

– Билли – единственный, кто приходит сюда, но пристаёт ко мне не только он.

У Ханны округлились глаза.

– Что ты имеешь в виду, дитя мое?

Обычно Анджела стеснялась рассказывать Ханне о своих потасовках с мальчишками. Но после пережитого сегодня она решилась.

– Я давно отбиваюсь от этих сопливых скотов, которые постоянно лапают меня.

– Господи, мисси Анджела! – воскликнула Ханна. – Почему же ты раньше не говорила мне об этом?

– Это случается только тогда, когда я выбираюсь в город. А здесь я могу сама за себя постоять... Но я больше не собираюсь с ними драться! Я собираюсь использовать эту штуку! – возбужденно сказала Анджела, касаясь отцовского ружья.

– Кто из ребят пристает к тебе?

– Мальчишки, которых я знаю с детства.

– А как их зовут? – настаивала Ханна.

Анджела наморщила лоб, пытаясь вспомнить имена.

– Джуд Холт и Сэмми Сампер, – проговорила она и после паузы добавила: – Еще братья Уилкоккс и Бобо Делерон... Я их несколько раз как следует поколотила.

– А тот, что сегодня прикатил к тебе? Как его зовут?

– Билли Андерсон... А почему ты спрашиваешь обо всем этом? – вдруг заинтересовалась Анджела.

– Просто хочу знать, – уклонилась от прямого ответа Ханна. – А где твой отец? Почему он не прогнал этого Билли Андерсона?

– Он остался на ночь в городе и до сих пор не вернулся.

– Выходит, он оставил тебя одну?

– Да, но...

– О Боже! – воскликнула Ханна и тут же поднялась. – Я должна идти.

– Постой, Ханна! Ты, случайно, спичек не принесла? – крикнула ей вслед Анджела.

– Да, они в корзинке на крыльце, – не оглядываясь, ответила Ханна. Она направилась в сторону «Золотых дубов».

Анджела покачала головой. Что это случилось с Ханной? Похоже, визит Билли расстроил ее больше, чем саму Анджелу.

На обратном пути в город Билли без конца хлестал бедных кобыл, вымещая на них свою злость. Он не простит этого Анджеле! Сделать из него посмешище! Билли никогда еще не был в такой ярости – разве что один раз в прошлом году, когда отец запер его в комнате, чтобы он не сбежал и не записался добровольцем в армию. Тогда ему было семнадцать лет, и он так хотел воевать и стать героем.

Сейчас все было гораздо хуже. Анджела принудила его к бегству, и он выглядел как последний трус. Ему надо было вырвать это проклятое ружье и задать девчонке трепку... А потом завалить ее на землю, спустить брюки с ее круглой попки и сделать то, зачем и ехал.

Страдая от пережитого унижения и мчась во весь опор, Билли едва не врезался в едущий навстречу экипаж. Он громко выругался, но тут же прикусил язык, и щеки его вспыхнули, когда он увидел, кто находится в экипаже. Кристал Лонсдейл и Кендиз Тейлор едва посмотрели в его сторону. А Билли снова отчетливо вспомнил их утренний приход в его лавку.

Должно быть, Анджела сейчас так же потешается над ним, как и Кристал. Но смеяться ей осталось недолго. Он возьмет Анджелу. Больше ей не удастся сделать из него посмешище.

Глава 4

Добрую милю до «Золотых дубов» Ханна не шла, а почти бежала. Она не стала входить через черный ход, а прошла через парадную дверь и сразу же направилась в кабинет хозяина. Хозяин Джекоб наверняка рассвирепеет, когда она ему все расскажет.

Ханне было слышно, как Кендиз Тейлор и Кристал Лонсдейл играли в гостиной в триктрак. Кендиз и ее отец уже две недели были почетными гостями в «Золотых дубах», однако время их пребывания подходило к концу, и они собирались вскоре вернуться в Англию. Кристал Лонсдейл уже несколько лет была частым гостем в «Золотых дубах», а для ее брата Роберта это был второй дом. Роберт присоединился к алабамским войскам вместе с Закари, младшим сыном Джекоба, едва лишь началась война. Под командованием Брэкстона Брэгга они охраняли побережье между Пенсакола и Мобилем. Роберт остался охранять Мобильский залив, а Закари ушел с Брэггом, когда тот принял командование Теннессийской армией. Боже, защити и спаси их, в который раз подумала Ханна.

Ханна тихонько постучала в дверь кабинета и, услышав «да» Джекоба Мейтленда, вошла. Она остановилась перед письменным столом, за которым Джекоб, как обычно после полудня, изучал толстый гроссбух. Он не сразу поднял на Ханну глаза, и она терпеливо ожидала, когда хозяин оторвется от книги.

Ханна знала, что Джекоб страшно огорчится, и это было очень плохо. Несколько лет назад с ним случился удар, от которого он, к счастью, оправился, и сейчас ему нужно беречься. Большую часть своих дел Джекоб перепоручил сейчас другим.

Ханна умрет, если что-то случится с Джекобом Мейтлендом. Она слишком хорошо помнила, что за жизнь была до того, как он приехал в «Золотые дубы», купил землю, поместье и всех рабов. До его прихода вся жизнь была заполнена страхом: страхом, что продадут на сторону кого-нибудь из членов семьи, страхом перед предстоящим наказанием и поркой.

Сейчас рабы вовсе не чувствовали себя рабами, и это было заслугой Джекоба Мейтленда. Ханна твердо знала, что не было ничего, чего бы она не сделала для Джекоба Мейтленда. Она при нем словно родилась заново, обрела чувство собственного достоинства. И что еще важнее, он вернул ее первенца, ее сыночка, которого продали восемнадцать лет назад в четырехлетнем возрасте. Джекоб отыскал его и привез Ханне.

Она знала о его убеждениях, о том, что он освободил бы всех своих рабов, если бы здесь, на Юге, не требовалось хотя бы внешне соблюдать общепринятые обычаи. Однако в войне он всеми способами поддерживал Север.

Конечно, Джекоб не подозревал, что Ханна знает обо всем этом, а может, и того больше. В курсе дела были и члены ее семьи, потому что ее муж, Льюк, был слугой Джекоба и нечаянно подслушал, как хозяин говорил об этом во сне. Но в семье строго хранили его тайну. Однажды Ханна проговорила кое о чем Анджели. Но Анджела была славной девочкой. Она понимала, какая трагедия может разразиться, если секрет раскроется. Ханна была уверена, что Анджела не проболтается.

Джекоб продолжал сосредоточенно смотреть в грессбух, а Ханна терпеливо ждала, любовно глядя на хозяина. Джекоб был интересным мужчиной сорока восьми лет, с легкой сединой на висках. В целом же волосы у него были иссиня-черные. А какие глаза! Они способны были внушить ужас! Если бы когда-нибудь перед людьми предстал дьявол, то – Ханна была убеждена – у него были бы такие глаза, как у Джекоба Мейтленда. Карие с легким золотистым отливом. Это когда он не сердился. Нужно сказать, что при всей своей доброте хозяин отличался крутым нравом. И когда этот нрав проявлялся, в глазах Джекоба загоралось золотисто-желтое пламя, способное испепелить каждого, на кого будет направлен его взгляд.

Из двух сыновей Мейтленда Брэдфорд был очень похож на отца. Закари обладал таким же ростом, как его отец и брат, – шесть футов без одного дюйма, но позаимствовал у матери глаза и темперамент. И был не таким бесшабашным, как его брат.

Наконец Джекоб Мейтленд поднял глаза и слегка нахмурился.

– Что так быстро вернулась? Ведь она была дома, не правда ли.

Ханне нравилось, как говорит Джекоб Мейтленд. Он всегда четко и ясно выражал свои мысли. Ханна когда-то пыталась подражать ему в этом, но в семье стали смеяться над ней, и она отказалась от своих попыток.

– Да, сэр, она дома.

– И как она себя чувствует? Все еще уговаривает тебя не воровать у меня? – хмыкнул Джекоб.

– Я оставила гостинцы раньше, чем у нее появилась возможность это сказать, – ответила Ханна, продолжая нервно сжимать ладони.

– Что-то случилось, Ханна? – спросил, прищурился глаза, Джекоб. – Выкладывай.

– Может, лучше пройти на конюшню, хозяин, я боюсь, что вы повысите голос, и молодые люди в гостиной могут услышать.

– Выкладывай немедленно!

Ханна вздохнула и почувствовала, как по ее телу побежала легкая дрожь при виде золотистого пламени, зажегшегося в глазах хозяина.

– Мисси Анджелу чуть не изнасиловали сегодня утром, – выпалила Ханна и, широко раскрыв глаза, стала ждать, когда разразится буря.

– Что?! Чуть не... – Джекоб Мейтленд вскочил на ноги. – А куда смотрел отец?

– Его не было дома.

– И Анджела... пострадала?

– Нет, сэр! С помощью ружья она заставила этого молодого кобеля убраться восвояси. Но настроен он был очень решительно... Грозился, что еще добьется своего. Анджела не испугалась, а очень разозлилась.

– Кто этот подонок, который хотел изнасиловать ребенка? – спросил Джекоб, тяжело опускаясь на стул. – Это не поддается моему пониманию!

– Я пыталась вам рассказать, что она очень выросла за последнее время, – с упреком проговорила Ханна.

– Все равно, ей только четырнадцать лет. Черт побери, она еще младенец!

Ханна не стала напоминать хозяину, что в «младенческом» возрасте Анджелы уже выходят замуж и рожают детей.

- Вы не видели ее после той стычки с ее отцом. Малышка мисси становится красавицей.

Но Джекоб, похоже, не слушал ее.

- Как зовут этого прохвоста? Будь уверена, ему не поздоровится.

- Билли Андерсон.

- Это сын Сэма Андерсона? - удивился Джекоб.

- Да, сэр.

- А еще кто-нибудь приставал к Анджеле?

- Да, сэр. И это меня очень беспокоит, потому что бедняжка мисси вынуждена оставаться ночью одна.

- Почему? - сурово спросил Джекоб Мейтленд.

Ханна опустила глава и прошептала:

- Отец оставляет ее одну, когда ночует в Мобиле. Во всяком случае, так было в эту ночь.

- Ах сукин сын! - Джекоб снова вскочил, на сей раз опрокинув стул. Глаза его потемнели от гнева. - Скажи Зеке, чтобы он взял мою лошадь и немедленно ехал в город. Пусть привезет Сэма Андерсона и Уильяма Шеррингтона. Да пусть скачет так, словно за ним гонится сам дьявол! Ты поняла, Ханна?

- Да, сэр. - Она в первый раз за долгое время улыбнулась.

- Иди скажи ему! А потом возвращайся и расскажи обо всем остальном.

Уже спускались сумерки, когда Уильям Шеррингтон без доклада ввалился в кабинет Джекоба Мейтленда. Одежда его была заляпана грязью и измята, на мешковатых брюках виднелись заплатки. От рыжеватых волос, разделенных на пробор, неприятно пахло каким-то маслом. Белки его глаз покраснели и по цвету мало чем отличались от волос.

– Какого черта вы посылаете за мной своего черномазого, – разразился бранью Уильям Шеррингтон. – Я еще пять лет назад предупреждал вас, чтобы...

– Заткнись, Шеррингтон, и прежде всего сядь, – оборвал его Джекоб. – Пять лет назад ты шантажировал меня, грозился отправиться к моим сыновьям и рассказать им обо мне и Чариссе, если я не дам тебе воспитывать Анджелу так, как тебе нравится. Я по глупости уступил тебе. Правда, нужно сказать, Анджеле тогда не угрожала опасность.

– Какая опасность?

Джекоб поднялся со стула со зловещим выражением лица:

– А тебе не приходило в голову, что, пока ты беспробудно пьянствуешь, оставляя ее без присмотра, с ней может что-нибудь случиться? Да за тобой надо было посылать адвоката, а не Зеке!

Загорелое лицо Уильяма Шеррингтона побледнело.

– С ней... что-то случилось?

– На сей раз, слава Богу, обошлось. Но в этом нет твоей заслуги... Анджелу чуть не изнасиловал этот щенок Билли Андерсон. Ты представляешь – мог изнасиловать! Это последняя капля!.. Раньше ты угрожал мне. Сейчас я обещаю: если ты еще когда-нибудь оставишь девочку одну, ты окажешься за решеткой. И не рассчитывай на то, что я поленюсь это устроить.

– Но послушайте...

Джекоб поднял бровь, и Уильям замолчал.

– Уж не собираешься ли ты сказать, что я неправ? Что ты не оставлял Анджелу одну, на произвол судьбы?

Уильям Шеррингтон в смятении смотрел себе под ноги.

– Ну, я, может быть, чуточку расслабился, но девчонка может постоять за себя.

– Господи, да ей всего четырнадцать лет! Ее нельзя предоставлять самой себе!.. Ты не в состоянии воспитывать ее и знаешь это не хуже меня!

– Вы не смеете забирать ее у меня!.. Я нуждаюсь в ней! Я хочу, чтобы она была со мной! Она единственное, что у меня осталось после того, как ее мать удрала от нас! – патетически произнес Уильям.

– Я предлагал отдать ее в пансион. Предложение остается в силе. Это было бы для нее лучше всего, – сказал Джекоб, заведомо зная, что его предложение будет отвергнуто.

– Мы не нуждаемся в милостыне, Мейтленд! Я это говорил уже много раз. Анджеле не нужны никакие пансионы!.. Там она только перестанет ценить то, что у нее есть.

– Дурак ты, братец! – раздраженно воскликнул Джекоб. – Упрямый осел!

– Может быть, но Анджела останется со мной, и я подниму страшный скандал, если ты попытаешься отобрать ее у меня.

Джекоб тяжело вздохнул.

– Я тебя предупредил, Шеррингтон. Если что-нибудь случится с Анджелой, я спущу с тебя шкуру.

Джекоб молча смотрел, как Уильям Шеррингтон выходит из кабинета. Гнев вспыхнул в нем с новой силой, когда спустя несколько минут Ханна объявила о приходе Сэма Андерсона.

Глава 5

Солнце уже село, когда Анджела добралась до города. Она отправилась сразу после полудня и шла вдоль реки, чтобы ни с кем не встретиться. Она любила реку. В феврале прошлого года они с отцом ездили этой дорогой до Монтгомери, чтобы посмотреть, как Джефферсон Дэвис приносит присягу в качестве первого президента Конфедерации. Анджела никогда не бывала так далеко от дома. Это было просто здорово! Но это событие стало также началом отцовских бед.

Уильям Шеррингтон был истинным южанином – по рождению и воспитанию – и от всей души хотел сражаться за свою родину. Но он был слишком стар. И к тому же пьяница. И армия в нем не нуждалась.

После отказа Шеррингтон стал пить еще больше, с удвоенной силой проклиная янки. Он и раньше не очень жаловал северян, но сейчас стал их прямо-таки ненавидеть. Анджеле вроде бы тоже надо было ненавидеть северян, хотя она не совсем понимала, за что именно. Она не могла понять, как это люди, которые когда-то были друзьями, могут убивать друг друга. Это какая-то бессмыслица.

Анджела ненавидела войну. Ее не особенно интересовало, почему война началась и все еще продолжается, она знала лишь то, что теперь она перестала любить Брэдфорда Мейтленда. Сейчас она его ненавидела. Что ей еще оставалось? Ханна однажды проговорила: Брэдфорд был вовсе не в Европе, как все считали, а сражался за Союз[2 - Имеется в виду Союз штатов.]! Ужас! Ханна страшно расстроилась из-за своей обмолвки, но Анджела тут же поклялась, что не выдаст секрета. Вообще-то это не повредит Брэдфорду, даже если она и скажет, потому что его не было здесь. Это может повредить Джекобу, и поэтому Анджела не проболтается. Тем не менее теперь она ненавидела Брэдфорда. А это ей совсем не нравилось.

Войдя в город, Анджела вдруг осознала, что отец к этому времени уже мог прийти домой. Впрочем, мог и не возвратиться. А после того, что случилось днем, ей не хотелось проводить еще одну ночь в одиночестве. Уж лучше она будет идти всю ночь по берегу реки, благо у нее есть ружье.

Небо сделалось к этому часу темно-багровым, уже зажигались фонари. Анджела хорошо знала, где можно найти отца. Было несколько кабаков, которые он

предпочитал другим, и бордель, который он посещал, когда оказывался в городе.

Она направилась в портовую часть города. На ней было новое желтое хлопчатобумажное платье, поскольку Ханна убедила ее, что молодая женщина не должна появляться на людях в брюках. Правда, платье уже стало ей маловато – плотно обтягивало груди и слишком подчеркивало бедра, но Анджели это не беспокоило.

Анджела стала прочесывать улицы в поисках фургона и кобылы Сары. Завидев пьянчуг и прочих подозрительных типов, она пряталась в переулках. Так в поисках прошел час, затем другой.

Анджела уже основательно устала, когда достигла пустынной части порта – своей последней надежды. Здесь находился бордель, в котором – она это знала – отец бывал раньше. В конце улицы она увидела нечто, напоминающее фургон, хотя и не была уверена в этом. Она ускорила шаг, в ней снова возродилась надежда. Но внезапно кто-то грубо схватил Анджелу за руку, и она вынуждена была остановиться.

Девушка вскрикнула. Ружье выпало из ее рук. Но Анджела тут же замолчала, увидев Бобо Делерона. Она не видела Бобо с зимы. Парень здорово подрос и возвышался над ней, словно башня. На квадратном подбородке его пробивались редкие волоски. Из-под бровей на Анджелу насмешливо смотрели темные глаза.

– Куда так спешишь, Энджи? Ты что, кого-то подстрелила из этого ружья?

Бобо был не один, и Анджела издала стон, когда плотный парень постарше Бобо нагнулся и схватил ружье.

– Из ружья не стреляли, – сказал он. – Но штука хорошая. – Он поднял глаза на Анджелу и ухмыльнулся. – Как и она.

– Да, она ничего, – неохотно согласился Бобо. – Это Энджи Шеррингтон. – При этих словах он еще крепче сжал руку Анджелы, заставив ее поморщиться. – Энджи из простой семьи, как ты и я, Сет, но думает, что она лучше нас... Разве я не прав, Энджи?

– Я никогда так не говорила, Бобо Делерон, ты прекрасно это знаешь.

– Пусть не говорила, но ведешь ты себя именно так.

Бобо произнес это со злостью, и Анджеле стало не по себе. Она уловила исходящий от парня запах спиртного и вспомнила последнюю стычку с ним. Тогда ей пришлось довольно сильно ударить его в пах, чтобы избавиться от приставаний, и он поклялся, что рассчитается с ней.

Внезапно Анджела со всей определенностью осознала, что сейчас темно и поблизости никого нет.

– Я... я встречаю своего отца, Бобо, – каким-то жалобным тоном проговорила она. – Так что отпусти меня...

– Где твой отец?

– Вон там.

Свободной рукой она показала на фургон, к которому направлялась, но сейчас вдруг увидела, что это был никакой не фургон.

– Я думаю, что твой отец в заведении Нины и некоторое время будет там занят, – хмыкнул парень постарше. – Почему бы тебе не составить нам компанию, а?

– Я хочу забрать отца и отправиться домой. – Анджела пыталась говорить как можно спокойнее, однако испугалась она не на шутку.

Бобо здорово вытянулся за эти месяцы. Ему, пожалуй, уже лет семнадцать. Бобо был зол – и к тому же не один.

Надо было как-то вырваться.

– Я могу взять свое ружье? Ей-богу, мне надо идти.

Она потянулась было за ружьем, но Бобо резко дернул ее.

– Что скажешь, Сет?

Приятель Бобо ухмыльнулся:

– Я думаю, ружье отличное и сгодится для дела – ведь я скоро пойду в армию. Да, я с полным правом возьму его.

Глаза Анджелы испуганно расширились.

– Ты не посмеешь это сделать! Мы с папой умрем с голоду без него!

Сет фыркнул:

– А ты не преувеличиваешь, девочка? Если твой папочка может раскошелиться, чтобы посетить заведение Нины, значит, вы не умрете с голоду.

Анджела повернулась и умоляющими глазами посмотрела на Бобо.

– Бобо, скажи ему, пожалуйста, что нам не выжить без ружья! И у нас нет денег, чтобы купить новое.

Бобо был основательно пьян.

– Заткнись, Энджи! Он может взять твое ружье и тебя в придачу... Но сначала я...

Однако не все еще было потеряно. Ее держал Бобо, а Бобо был здорово пьян. Анджела дождалась, когда он двинулся вперед, резким движением вырвала руку и бросилась наутек. Но Бобо тут же догнал ее, схватил за волосы и больно дернул.

– Пусти! – отчаянно закричала она, приходя в ярость. – Пусти, жалкий трус! Да я...

Громкий смех Бобо заставил ее замолчать.

– Вот теперь ты опять похожа на ту строптивую Энджи, которую я знаю! А то я просто не узнавал тебя, когда ты так жалобно скулила.

– Мерзкая свинья, отпусти волосы! – закричала Анджела, но, видя, что это не помогает, замахнулась кулаком.

Бобо поймал ее руку и заломил за спину.

– Тебе больше не удастся расквасить мне нос, Энджи. – Он за волосы повернул ее лицом к себе. – На этот раз у тебя ничего не получится. Сейчас мы по очереди трахнем тебя. Я собирался сделать это еще зимой, но тогда тебе удалось улизнуть, помнишь?

Анджела завизжала. Бобо отпустил ее волосы и зажал ей рот рукой. Сзади подошел Сет, задрал ей юбку до пояса и запустил потную ладонь между ног девушки.

– Мы так и будем стоять и болтать или же приступим сразу к делу? – возбужденно спросил Сет, шаря между девичьих бедер.

– Убери свои лапы, Сет, – сурово сказал Бобо. – У меня с ней свои счеты, и я буду первым. Ты возьмешь то, что останется.

Сет отступил на шаг.

– А ты уверен, Бобо, что от девчонки потом что-нибудь останется?

– Может быть, она будет немного растрепанной, но пинаться не перестанет... У Энджи есть характер. – Бобо хмыкнул и крепко прижал девушку к себе. – Не жди, что она ляжет и раздвинет для тебя ляжки. Она будет драться до конца.

– Ну, не знаю, Бобо. – Сет покачал головой. – Мне не хочется драться с девчонкой, которая не сделала мне ничего плохого.

Бобо развернул Анджелу лицом к Сету, продолжая одной рукой зажимать ей рот. Второй рукой он стал по очереди тискать ее небольшие грушевидные груди, и Анджела вскрикнула от боли.

– Вот, полюбуйся на нее, – сказал Бобо. – Ты ведь хочешь ее. Но ты будешь не первым, первым ее трахну я. Ты бы знал, что за сука эта девчонка! Многие парни были бы рады узнать, что она наконец проиграла схватку!

Он потащил ее в узкий переулок, и Анджела сделала еще одну отчаянную попытку освободиться. Она впилась зубами в ладонь Бобо, тот закричал от боли и отпустил ее. Анджела бросилась бежать, но тут же попала в руки Сета. Она яростно забилась, пытаясь вырваться.

– Успокойся, девочка. Я не причиню тебе вреда.

Это не был голос Сета. Сквозь слезы Анджела увидела, что мужчина, из объятий которого она пыталась освободиться, был одет совсем не так, как Сет, – на нем был модный костюм. Вот она – помощь! Анджела разразилась еще более обильными слезами и уткнулась лицом в грудь незнакомцу.

– Привет, мистер! Я благодарю вас за то, что вы поймали эту девчонку, и хочу забрать ее у вас, – проговорил Бобо.

– Почему она такая испуганная? – спокойным тоном спросил мужчина. Одной рукой он обнимал ее, как бы защищая, другой гладил по волосам, чтобы успокоить, тем более что Анджела начала дрожать всем телом, услышав голос Бобо.

– Черт ее знает! Мы тут немного пошутили с ней, а она взяла и укусила меня!

– За что?

Анджела отодвинулась и взглянула в лицо своего спасителя, собираясь все объяснить. Но слова застряли в горле, когда она увидела ясные золотисто-карие глаза, которые вопросительно смотрели на нее. Даже в темноте она узнала эти глаза.

– Ты очень напугана, девочка. Сейчас ты в безопасности. Тебя никто не обидит.

Анджела была не в силах произнести ни слова. Еще никогда в жизни она не находилась так близко к Брэдфорду Мейтленду.

Брэдфорд улыбнулся:

– Что здесь произошло? Ты действительно укусила этого парня?

Наконец Анджела заговорила:

– Я вынуждена была... а как еще я могла освободиться?

– Перестань врать, – угрожающим тоном сказал Бобо.

Анджела резко повернулась и гневно сверкнула глазами на Бобо.

– Заткнись, Бобо Делерон! Затея твоя сорвалась, и я ни капельки не вру! – Она снова повернулась к Брэдфорду, увидела в его лице готовность помочь и снова заплакала. – Он... они хотели изнасиловать меня... Вдвоем, по очереди... И забрали мое ружье... а мы умрем с голоду без него.

Брэдфорд отодвинул Анджелу в сторону, прикрыл ее собой и, выхватив из внутреннего кармана пистолет, направил его на Сета, глаза которого округлились от страха.

– Брось ружье, – сказал Брэдфорд ровным, но твердым голосом. – И отойди от него.

Сет, не мешкая, выполнил требование Брэдфорда. Что касается Бобо, то у него злость взяла верх над страхом.

– Вам лучше не вмешиваться в это, мистер. Эта девчонка – белая шваль и не заслуживает того, чтобы вы защищали ее. К тому же она врет. Мы не собирались обижать ее.

– Возможно... Мы предоставим шерифу решить этот вопрос, – спокойно сказал Брэдфорд.

– Ну зачем же? Не надо шерифа, – быстро отреагировал Бобо. – Ей никто не причинил никакого вреда.

– Мне кажется, девочка с тобой не согласна, – возразил Брэдфорд. – Что скажешь, детка? Обратимся к шерифу?

Уткнувшись в грудь Брэдфорду, Анджеला прошептала:

– Я не хочу причинять вам беспокойство. – А затем громко добавила: – Только вы скажите Бобо, что, если он еще раз привяжется ко мне, я размозжу ему голову!

Брэдфорд рассмеялся к большому неудовольствию Бобо и Сета.

– Вы сами все слышали, парни, – проговорил Брэдфорд. – Предлагаю вам быстренько топать отсюда, пока она не сообразила, что ружье снова в ее руках, и не пустила его в ход за то... что вы не сделали.

Бобо не замедлил последовать совету Брэдфорда, то же самое сделал и Сет.

Впрочем, Анджеला не собиралась мстить. С уходом Бобо и Сета улица стала пустынной и тихой. Анджеле был слышен один-единственный звук – стук собственного сердца. Или это стучало его сердце? Ей казалось, что она так и стояла бы всю ночь прижавшись к могучей груди Брэдфорда Мейтленда. Но она понимала, что это невозможно.

Анджеला отступила на шаг, собираясь поблагодарить своего спасителя, но увидела, что Брэдфорд смотрит на нее с удивлением и любопытством, и запнулась.

– Не в моих правилах спасать женщин, – в раздумье проговорил Брэдфорд. – Обычно их спасают от меня... Так почему же ты не благодаришь меня за то, что я спас тебя от столь незавидной судьбы? Ты ведь девственница, не правда ли? – напрямую спросил он.

Этот вопрос вывел ее из шока.

– Да... и я всей душой благодарна вам.

– Это уже лучше. Как тебя зовут?

- Анджела, - медленно проговорила она, все еще испытывая неловкость.

- Неужто, Анджела, ты не могла придумать ничего лучше, как оказаться одной в этой части города?

- Мне нужно было найти отца.

- И что же, ты нашла его?

- Нет... Боюсь, что он уехал домой, - ответила Анджела уже более непринужденным тоном.

- Наверное, тебе нужно сделать то же самое? - сказал Брэдфорд, подавая ей ружье. - Был рад и прочее, Анджела.

Ей ничего не оставалось, как повернуться и направиться к реке. Однако ее тут же догнал Брэдфорд.

- Я провожу тебя домой, - несколько раздраженно сказал он, очевидно, повинувшись исключительно чувству долга.

- Я смогу дойти сама, мистер Мейтленд, - гордо вскинув подбородок, прошептала она.

Брэдфорд улыбнулся.

- Я не сомневаюсь, что сможешь, Ангел, - сказал он более дружелюбно. - Но я чувствую ответственность за тебя.

- Меня зовут Анджела, - твердым и спокойным голосом проговорила она.

- Да, я знаю. Так где ты живешь, Ангел? - столь же дружелюбно спросил он.

Сердце у нее так и подпрыгнуло: он назвал ее ангелом вполне сознательно.

- Я живу рядом с «Золотыми дубами».

– Боже милосердный! Почему же ты сразу не сказала мне об этом! Пошли! – Он взял ее за руку и повел к стоящему на улице экипажу. – Я как раз собирался в «Золотые дубы».

Брэдфорд Мейтленд не произнес ни слова, пока они не выехали из города и медленно двинулись вдоль реки по пустынной дороге. Луна пряталась в тучах, грозящих дождем. Было очень темно.

– Ты собиралась идти этой дорогой? – недоверчиво спросил Брэдфорд.

– Это недалеко.

– Я знаю, как это недалеко. Когда-то я ходил туда пешком – нужно идти по крайней мере полдня. Ты не добралась бы домой и до утра.

– Добралась бы.

Он доброжелательно засмеялся, затем спросил:

– Откуда ты знаешь мою фамилию?

– Не важно, вы сами представились, – нервно ответила Анджела.

– Нет, я не представлялся. Ты знаешь меня?

– Да, – шепотом сказала она и затем вдруг бухнула: – А вы зачем приехали в Алабаму? Чтобы шпионить в пользу Севера?

Она едва не слетела с сиденья, так резко Брэдфорд остановил экипаж. Он сгреб ее обеими руками и повернул лицом к себе.

– Шпионить? Откуда ты это взяла, девчонка?

В его словах звучал гнев, и Анджела испуганно замолчала. Она готова была проглотить язык из-за того, что рассердила его.

– Отвечай! – потребовал Брэдфорд. – Почему тебя интересует моя благонадежность?

– Мне совсем не интересна ваша благонадежность, – попыталась возразить Анджела. – Я знаю, что вы в прошлом году вступили в армию Союза. – Почувствовав, что он напрягся, она быстро добавила: – Когда я первый раз услышала про это, то ужаснулась, а сейчас мне все равно.

– От кого ты услышала?

– Мне сказала Ханна. Она не хотела, мистер Мейтленд, у нее это просто выскочило!

– Ханна?

– Да. Из «Золотых дубов». Она мой самый близкий друг. Вы не будете сердиться на нее за то, что она проговорилась? Я вас очень прошу! И не сомневайтесь – я никому не скажу. Эта война – какой-то ужас. Вы воюете на одной стороне, ваш брат – на другой. Кошмар! Но вы выручили меня сегодня, и я не причиню вам зла ни за что на свете! Я никому не скажу, что вы – солдат янки, клянусь вам!

– Похоже, начав говорить, ты уже не можешь остановиться, а? – Это было сказано более доброжелательным тоном. Брэдфорд отпустил ее.

– Я хочу, чтобы вы знали, что вашему секрету ничего не грозит! Вы мне верите? – допытывалась Анджела.

Он взялся за вожжи, и экипаж тронулся.

– Придется поверить... Ты считаешь меня предателем?

– Я, конечно, не понимаю, почему вы должны помогать этим северянам, – упрямо сказала она, хотя лицо ее слегка покраснело. К счастью, в темноте это невозможно было заметить. – Но это уже ваше дело.

– Все очень просто, – ответил Брэдфорд. – Я не южанин. Моя семья жила на Юге лишь последние пятнадцать лет. До этого я жил на Севере и некоторое время на

Западе. Даже после того, как отец преподнес нам сюрприз и купил «Золотые дубы», большую часть времени я проводил на Севере, где учился и работал. Я отрицаю рабство. Но важнее всего то, что я против раскола нации. Как помешать штатам выйти из Союза? Мы можем создать вторую Европу. Я верен Северу и Союзу.

– А ваш брат вступил в армию Конфедерации, – напомнила Анджела.

– Закари – лицемер, – холодно ответил Брэдфорд. – Он вступил в армию Конфедерации вовсе не по убеждению.

– А когда вы вернулись? Я имею в виду...

Брэдфорд хмыкнул:

– Тебе хочется знать, почему я здесь? Ну что ж, это не военная тайна. Я прибыл на судне, которое пыталось прорвать блокаду, вполне открыто, имей это в виду. Сейчас я не в армии. Я был ранен в Виргинии, и меня списали.

– А сейчас вы нормально себя чувствуете? – обеспокоенно спросила Анджела.

– Да. Я был ранен в грудь, и многие думали, что я не выживу. Однако я оставил всех армейских докторов в дураках.

Анджела хихикнула:

– Я очень рада.

– Но, – сказал Брэдфорд после паузы, – я снова пойду в армию, как только заменят моего командира. Мы с ним не очень дружны. А если сказать точнее, то он принес мне больше неприятностей, чем враг... Будем считать, что я сейчас в отпуске... Черт побери, я слишком разболтался! Ты сумела разговорить меня, Ангел.

Она снова была влюблена в Брэдфорда Мейтленда! Этот день стал счастливейшим в ее жизни.

– Я много рассказал о себе, – сказал Брэдфорд спустя некоторое время. – А какая семья у тебя?

– Моя семья? Я и отец.

– Кто это?

– Уильям Шеррингтон.

В темноте Анджела не могла видеть, как нахмурился Брэдфорд.

– Твоя мать Чарисса Стюарт?

– Ее так звали до того, как она вышла замуж за отца, – удивленно ответила Анджела. – А вы откуда знаете?

– Стало быть, ты дочь Чариссы Стюарт, – задумчиво произнес Брэдфорд, проигнорировав ее вопрос.

– Вы знали мою мать?

– Нет, к счастью, я никогда не встречал эту... женщину. – Брэдфорд отвернулся и замолчал.

Анджела уставилась на темный силуэт сидевшего рядом мужчины. Что означает это «к счастью»? Действительно ли в его голосе прозвучало раздражение или ей так показалось? Скорее всего показалось.

Анджела закрыла глаза. Покачиваясь в такт движения экипажа, она стала вспоминать свою первую встречу с Брэдфордом Мейтлендом. Это случилось три года назад. Ей тогда было одиннадцать лет, а Брэдфорду – двадцать. Он приехал из школы домой на летние каникулы. Отец поехал в город продавать зерно и взял Анджелу с собой. Ей надоело слоняться по базарной площади, и она решила отправиться домой. Ночью прошел сильный дождь, и, когда Анджела шла по дороге вдоль реки, ей то и дело приходилось обходить грязные лужи.

Вот тогда Анджела и увидела Брэдфорда на горячем черном жеребце. Он ехал в город. Одетый в белый костюм, высокий, на огромном черном коне, он походил на ангела-мстителя. Когда он поравнялся с Анджелой, жеребец ударил ногой по луже, обдав грязными брызгами ее желтое платье. Брэдфорд придержал коня, повернулся к ней, бросил золотую монету, сказав, чтобы она купила себе новое платье, после чего продолжил свой путь.

В тот самый миг, когда Анджела впервые увидела прекрасное лицо Брэдфорда, она влюбилась в него. Много раз она пыталась убедить себя, что это глупо, что она ничего не знает о любви. Скорее всего она просто боготворила его. Но как бы там ни было, она называла это любовью.

У нее и по сей день сохранилась та золотая монета. Она проделала в ней маленькое отверстие, попросила отца купить длинную цепочку и стала носить ее на шее. Эта монета, как и три года назад, покоилась сейчас между холмиками ее груди. Она продолжала носить ее даже тогда, когда решила, что ненавидит Брэдфорда Мейтленда за то, что он вступил в армию северян. Но сейчас с ненавистью покончено. Она навсегда избавится от этого чувства.

До дома они добрались удивительно быстро. Экипаж Брэдфорда поглотила темнота, а Анджела еще долго стояла на крыльце, вспоминая его слова при прощании.

– Береги себя, Ангел. Ты уже не в том возрасте, чтобы всюду бродить одной. – С этими словами он натянул вожжи и отъехал.

– Это ты, дочка?

Анджела нахмурилась, увидев появившегося в дверях Уильяма Шеррингтона.

– Да, пап.

– Где ты пропадала?

– Тебя разыскивала! – зло сказала она, хотя испытала огромное облегчение, обнаружив отца дома. – Если бы ты приехал вчера вечером, мне не надо было бы никуда ходить.

– Прости меня, Энджи, – проговорил отец. В голосе его слышались раскаяние и испуг. – Такое больше не повторится. Тебя Билли Андерсон подбросил домой?

– Как бы не так! – воскликнула Анджела. – Это был Брэдфорд Мейтленд.

– Очень великодушно с его стороны!.. Энджи, я обещаю, что никогда больше не оставлю тебя одну. Если поеду в город, непременно буду брать тебя с собой... В последнее время я был плохим отцом, но теперь все изменится. Обещаю тебе.

Казалось, отец был близок к тому, чтобы разрыдаться, и гнев у Анджелы тут же прошел.

– Ну ладно, пап. Знаешь, мне не нужен никакой другой отец, кроме тебя. – Она приблизилась к отцу и обняла его. – Пошли теперь спать. Завтра утром нам нужно вспахать поле.

Глава 6

Вместо того чтобы повернуть в сторону «Золотых дубов», Брэдфорд поехал дальше вдоль реки в сторону плантации, которая носила поэтичное название «Тени».

Кристал была в полнейшем неведении относительно того, чем он занимался последние полтора года. Во всяком случае, так он предполагал. Но после разговора с Анджелой Шеррингтон он не удивится, если узнает, что его секрет известен многим.

Что ж, если Кристал пока не знает об этом, то скоро узнает, потому что Брэдфорд ехал не столько для того, чтобы повидаться с отцом девушки, сколько для откровенного разговора с Кристал. И поговорить лучше сейчас, чем после войны. У Кристал будет время свыкнуться с его взглядами. И когда он вернется к ней после окончания войны, ничто не помешает им заключить брак.

Брэдфорд свернул на покрытую гравием дорогу, ведущую к «Теням». Время для визита не самое подходящее, но зато есть надежда, что он избежит встречи с

отцом Кристал, а заодно и с Робертом. Одно дело рассказать Кристал о своих убеждениях: она женщина, любит его и не станет его предавать. А вот открываться перед остальными членами семьи равносильно самоубийству. Его вполне могут пристрелить как шпиона – именно так определила его статус дочь Шеррингтона.

Он не был шпионом, да и не мог им быть. Для этого он слишком честен.

В нижней части дома еще горели огни, и, когда Брэдфорд подошел к входной двери, он услышал негромкие звуки пианино. Он досадливо нахмурился: неужели Кристал принимает гостей?

Брэдфорд постучал. Старый Рубен, чернокожий дворецкий Лонсдейлов, открыл дверь и удивленно отступил назад.

– Неужто вы, мистер Брэд? Боже, вот уж мисс Кристал обрадуется!

– Надеюсь, Рубен, – улыбнулся Брэдфорд. – Она в гостиной?

– Да, сэр. Вы можете пройти туда. Не думаю, что вам потребуется провожатый. – Рубен улыбнулся.

– Она одна?

– Одна.

Брэдфорд пересек холл и секунду помедлил, прежде чем открыть дверь в гостиную. Кристал сидела за пианино, одетая во все розовое и белое.

Она играла какую-то щемяще грустную вещь, название которой он не мог припомнить. Вид знакомой гостиной и сама Кристал внезапно перенесли его в прошлое. Она, похоже, совсем не изменилась. И была самой красивой женщиной на свете.

Кристал, казалось, настолько погрузилась в музыку, что не заметила его появления. Закончив играть, она издала продолжительный вздох.

– Хочу надеяться, что вы вздыхаете обо мне, – тихо произнес Брэдфорд.

Кристал вскочила. Прошло несколько секунд, прежде чем, выкрикнув его имя, она бросилась к нему в объятия.

Поцелуй Брэдфорда был долгим и нежным. Кристал отвечала ему, и молодому человеку хотелось, чтобы поцелуй длился вечно. Она никогда не позволяла себе задерживаться в его объятиях. И в то же время он чувствовал, что девушка не отказала бы ему, захоти он большего.

До войны он вел себя как настоящий джентльмен, о чем сейчас сожалел. Если бы он взял Кристал раньше, сегодня ему было бы легче убедить ее в правильности своих взглядов.

– Ах Брэд! – Она оттолкнула его и с упреком посмотрела ему в лицо. – Почему ты не отвечал на мои письма? Я столько их написала, что уже и счет потеряла!

– Я не получал никаких писем.

– Твой отец предполагал это, говорил о блокаде и прочем, но я не теряла надежду, что ты все-таки их получишь. – Неожиданно она прищурилась, подбоченилась и строго спросила: – А где ты был, Брэдфорд Мейтленд, когда я ездила в Англию? Я ждала, что ты приедешь, но ты там так и не появился... Два года, Брэд!.. Я не видела тебя целых два года!

– Были дела, Кристал. И к тому же идет война, – мягко напомнил Брэдфорд.

– Ты думаешь, что я не знаю об этом? Робби вступил в армию вместе с другими местными добровольцами. Он остался здесь, чтобы охранять форт Морган, но я его почти не вижу. И твой брат тоже... А что же ты? Или твой бизнес для тебя важнее?

Брэдфорд попытался что-то сказать, но Кристал продолжала:

– Я чувствовала себя неловко от того, что не могла похвастаться перед друзьями, сказать, что мой жених сражается за наше общее дело. Как и многие другие отважные мужчины.

Брэдфорд взял ее за плечи и легонько отстранил от себя.

- Для тебя так важно, Кристал, что думают твои друзья, - спросил он.

- Конечно, важно. Мне бы не хотелось, чтобы мой муж оказался трусом.

Брэдфорд почувствовал, что в нем закипает гнев.

- А как бы ты отнеслась к мужу, который симпатизирует Союзу? Или это в твоих глазах еще хуже, чем оказаться трусом?

- Симпатизировать янки! - Кристал задохнулась от ужаса. - Не говори глупостей, Брэд! Ты такой же южанин, как и я... И эта твоя шутка ничуть не смешна.

- А если я не шучу?

- Прекрати, Брэдфорд!.. Ты пугаешь меня.

Кристал отшатнулась, и он схватил ее за руку, пытаясь удержать. Он так хорошо все продумал, решил, что скажет ей о расколоте нации, о том, что говорит на этот счет Линкольн, но сейчас совершенно забыл об этом.

- Я не южанин, Кристал. Я никогда им не был, и, полагаю, ты знаешь об этом.

- Нет! - воскликнула она, закрывая ладонями уши. - Я не желаю слышать об этом! Не желаю!!!

- Ты выслушаешь меня, черт побери! - Он оторвал ее руки от головы и крепко прижал их к бокам, так что она не могла пошевелиться. - Неужели ты в самом деле ожидаешь, что я буду сражаться за то, во что не верю? Поддерживать то, с чем решительно не согласен? Если мне придется выбирать, чью сторону принять, знай, Кристал, я никогда не встану на сторону Юга! И ты должна уважать это.

Брэдфорд тяжело вздохнул. Сейчас не представлялось никакой возможности рассказать Кристал всю правду, признаться, что он уже воевал и снова будет воевать на стороне Союза. Она может поднять тревогу, и тогда он не уйдет

живым из Мобила. А ему так хотелось убедить ее.

– Кристал, если я не буду отстаивать свои убеждения, то не смогу считать себя мужчиной. Неужели ты этого не понимаешь?

– Нет! – выкрикнула она, пытаясь вырваться из его рук. – Я понимаю одно: я потратила лучшие годы своей жизни на то, что ждала человека, который симпатизирует янки! Уходи сейчас же, пока я не закричала!

Брэдфорд отпустил ее и попятился.

– Наша помолвка расторгнута!.. Я никогда – слышишь, никогда! – не выйду замуж за такого человека! Ты, возможно, не воюешь за северян, но ты янки по духу! А я презираю всех янки!

– Кристал, ты сейчас расстроена, но у тебя будет время подумать...

– Убирайся отсюда! – истерично взвизгнула она. – Я ненавижу тебя, Брэдфорд! Не желаю больше тебя видеть! Никогда!!!

Он повернулся, чтобы уйти, но остановился у двери:

– Не все кончено между нами, Кристал. Я вернусь после войны, и ты еще станешь моей женой.

Он вышел, прежде чем она успела ответить. Как ни странно, в эту минуту он подумал о девчонке Шеррингтона. Та поняла. И не осуждала его. А женщина, которая клялась ему в любви, не пожелала его понять. Однако он не ставит крест на Кристал Лонсдейл. Когда-нибудь он вернется к ней, и она его поймет.

Глава 7

Анджела сидела на одном из двух стареньких плетеных стульев, стоящих на узком крыльце, и задумчиво смотрела на голое поле перед домом. Ей

вспоминалось это поле, заросшее высокой кукурузой, – именно таким оно было лишь неделю назад. Доведется ли ей увидеть новый урожай? И вообще, как сложится теперь ее судьба?

Анджела сжимала в ладони золотую монету Брэдфорда Мейтленда. Это обычно приносило ей успокоение в трудные минуты жизни. А сейчас она нуждалась в нем больше, чем когда-либо.

На ней все еще было темно-коричневое хлопчатобумажное платье, в котором она была утром на похоронах. Конечно, лучше бы черное, но черным платьем она не располагала.

Эта неделя была похожа на какой-то страшный сон. Им повезло – они вырастили хороший урожай и трижды ездили в город, чтобы продать зерно. Анджела каждый раз сопровождала отца. Он держал обещание, данное три года назад, и никогда не оставлял ее одну. Три долгих года прошло... Для некоторых эти годы оказались трагическими, для Анджелы они не были отмечены событиями. Мальчишки, которые раньше приставали к ней, больше ее не трогали. Бобо тоже внял ее предупреждению и не подходил к ней. Отец иногда даже позволял Анджеле прогуливаться одной, чтобы она могла отдохнуть от его постоянного присутствия. Да, никаких особых событий не происходило вплоть до нынешнего 1865 года.

Год назад Союз одержал решающую победу в сражении в Мобильском заливе. Война докатилась наконец и до Алабамы. Форт Гейнз сдался после нескольких дней жестоких боев, а Мобил-Пойнт, располагавшийся напротив, и форт Могдан сдались лишь после восемнадцатидневной осады. В конце концов янки вступили на территорию Алабамы.

Спустя шесть месяцев были осаждены форт Блэкли и Испанский форт. В апреле этого года, через восемь месяцев после сражения в Мобильском заливе, Союзная армия, возглавляемая генералом Кенди, нанесла поражение армии Конфедерации и заняла Мобил.

Как ни странно, маленькую ферму Шеррингтонов война обошла стороной. Когда она приблизилась к ним вплотную, отец в тревожном ожидании заколотил дом. Что им грозит? Лишатся ли они урожая и средств к жизни? А может, и самой жизни? Но опасность отступила, и начался период Реконструкции.

Проигранная война не сказалась на личной судьбе Анджелы. У нее никогда не было рабов. Она не владела землей и, следовательно, не сталкивалась с непосильными налогами. Земля, на которой они работали исполу, не изымалась у них и не перепродавалась, потому что финансовое положение их землевладельца было прочным.

Анджелу никогда не пугала нищета, как она пугала многих благородных южных леди, ибо ничего другого, кроме нищеты, ни Анджела, ни ее отец не знали.

В тот день ее отыскал Фрэнк Колмен – старинный приятель и собутыльник отца. Она ждала отца в фургоне. Анджела сразу поняла, что произошло нечто ужасное, потому что Фрэнк упорно не желал смотреть ей в лицо. Он лишь сказал, что отец ввязался в драку. Обычный спор с янки о результатах войны, пояснил он. Началась потасовка, в которой приняли участие многие завсегдатаи бара, ее отец упал, ударился о стол и тут же скончался.

Анджела бросилась к бару и нашла отца лежащим на посыпанном опилками полу, грязного и окровавленного. Он был мертв.

Она опустилась возле него на колени, до конца не веря в случившееся. Ей вспомнились ссоры с отцом из-за его кутежей, резкие слова, которые она в запальчивости бросала ему. Анджела разразилась рыданиями, и мужчины смущенно отодвинулись, образовав вокруг них большой круг.

Отца похоронили сегодня утром. Теперь Анджела осталась одна, совершенно одна в целом мире. Как ей жить дальше? Уже десятки раз задавала она себе этот вопрос, на который у нее не было ответа.

Допустим, она может выйти замуж за Клинтона Прэтта. За этот год он уже несколько раз делал ей предложение, и она уверена, что сделает снова. Клинтон был приятным молодым человеком, работал на небольшой ферме по соседству. Он частенько заходил к Анджеле и вел с ней долгие беседы. Ей была приятна его компания, но выходить за него замуж она не желала. Она не любила его.

Анджела снова разрыдалась: «Папа, зачем ты оставил меня? Я не хочу быть одна, пап! Мне не нравится быть одной!»

Ей хотелось остаться на прежнем месте. Здесь был ее дом. У нее была старушка Сара. Она сможет вести хозяйство самостоятельно, в этом Анджела была уверена. Но зависело это не от нее, а от Джекоба Мейтленда. Позволит ли он ей остаться на ферме или решит, что она не справится с хозяйством.

Так или иначе, сегодня она выяснит свою судьбу. Джекоб Мейтленд был утром на похоронах, отдал дань уважения отцу и сказал Анджеле, что позже навестит ее. Ей необходимо убедить его, что она сумеет вести хозяйство самостоятельно. Она должна убедить!

Джекоб Мейтленд подъехал в самом красивом экипаже, который Анджела когда-либо видела, – новеньком, выкрашенном блестящей черной краской, с роскошными бархатными сиденьями.

Джекоб Мейтленд был настолько богат, что война не нанесла большого ущерба его состоянию. Он никогда не зависел от урожаев на своей плантации. Да и вообще во время войны его земли почти не обрабатывались. Поэтому люди удивлялись, зачем он приехал на Юг и почему оставался в «Золотых дубах», пока шла война, а не отправился в Европу, где в основном и были сосредоточены его деловые интересы.

Джекоб часто заезжал на ферму к Шеррингтонам, когда Анджела была ребенком, приносил ей конфеты, иногда игрушки. Анджела считала, что приходил он, чтобы проверить, насколько соблюдаются его интересы. Восемь лет назад у Джекоба вышел крупный разговор с ее отцом. Анджела думала, что после этого их прогонят с фермы, однако все обошлось. Но с тех пор Джекоб Мейтленд больше не появлялся на их ферме. Причину той ссоры она так и не узнала, а по визитам Джекоба скучала.

Он был хорошим землевладельцем, в этом у нее не было сомнений. Даже когда урожай был невысоким, он никогда не жаловался, а во время войны стал брать меньшую долю в уплату. По этой причине Анджела чувствовала себя вдвойне виноватой, когда принимала от Ханны еду, которую та крада у него.

Сейчас Анджела была напугана и удручена.

– Анджела, дорогая девочка, прими мои самые искренние соболезнования, – начал Джекоб Мейтленд. – Должно быть, ты испытываешь сейчас страшную опустошенность.

– Да, это так, – шепотом ответила Анджела, не поднимая глаз.

– Я знал твоего отца почти восемнадцать лет, – тихим голосом продолжал Джекоб. – Он работал на этой ферме еще до того, как я приехал в Алабаму.

– Значит, вы и маму мою знали? – с любопытством спросила она, и глаза ее заблестели.

– Да, знал, – рассеянно ответил Джекоб. – Ей не следовало одной уезжать на Запад. Она...

– На Запад? – взволнованно перебила его Анджела. – Она уехала на Запад? Папа никогда не говорил мне об этом.

– Да, она уехала туда, – грустно сказал Джекоб. – А ты знаешь, что ты – вылитая мать?

– Папа говорил, что у меня такие же глаза и волосы, – с готовностью ответила Анджела, почувствовав вдруг себя вполне непринужденно.

– Не только это, девочка. Твоя мать была очаровательнейшая женщина. У нее были и грация, и хрупкость, и изысканная красота. Ты как две капли воды похожа на нее.

– Мне смешно это слышать, мистер Мейтленд. Я не грациозная и не хрупкая.

– Ты можешь быть такой при должной тренировке, – с доброй улыбкой сказал Джекоб.

– Тренировка? Ах, это значит – учеба в школе? – спросила Анджела. – У меня не было для этого времени. Я должна была помогать отцу на ферме.

– Да, что касается фермы, Анджела... Теперь, когда твой отец... когда его нет с нами, я хочу...

– Пожалуйста, прошу вас, мистер Мейтленд, – перебила его Анджела, боясь, что услышит сейчас нечто неприятное. – Я могу одна обрабатывать эту землю... Я помогала отцу сызмальства. И я сильнее, чем кажусь, честное слово...

– О чем ты говоришь, дитя мое! Я просто не могу позволить тебе остаться на этой ферме одной! – удивленно воскликнул Джекоб и покачал головой.

– Но я...

Джекоб предостерегающе поднял руку:

– Не хочу слышать твои возражения. И не надо смотреть на меня несчастными глазами, я собирался сказать тебе, но ты меня перебила... Я хочу, чтобы ты переехала жить в «Золотые дубы».

Анджела недоверчиво посмотрела на Джекоба:

– Почему?

Джекоб Мейтленд рассмеялся:

– Скажем так: я чувствую ответственность за тебя. Как никак, я знаю тебя с рождения, Анджела. Вместе с Уильямом Шеррингтоном я волновался, когда твоя мама давала тебе жизнь. И я хочу тебе помочь.

– А как же ваша семья? Да и прислуги у вас в доме сейчас достаточно.

– Чепуха, – твердо проговорил он. – Слуги не живут в доме, дитя мое. И моя семья скажет тебе «добро пожаловать». Так что не бойся.

– Вы самый замечательный человек на свете! – Слезы подступили к глазам Анджелы.

– В таком случае все решено, дитя мое. Я оставляю тебя, чтобы ты упаковала свои пожитки, и через пару часов пришлю за тобой повозку.

Глава 8

Анджеле казалось, что весь разговор с Джекобом Мейтлендом приснился ей во сне. Однако когда через два часа к крыльцу подкатила блестящая черная повозка, Анджела поверила, что все было наяву. Она будет жить в «Золотых дубах».

Пока Анджела ехала к своему новому дому, находившемуся всего в миле, она думала о том, что теперь будет ближе к Брэдфорду Мейтленду. Она так и не избавилась от своей детской влюбленности. Более того, сейчас, в семнадцать лет, Анджела любила его даже больше, чем в четырнадцать.

Ханна рассказала ей, что Брэдфорд больше не служит в армии. Он живет на Севере и управляет предприятиями Мейтленда в Нью-Йорке. Закари вернулся с войны в конце 1862 года после легкого ранения в ногу. По возвращении он сразу же женился на мисс Кристал Лонсдейл, и сейчас они оба живут в «Золотых дубах».

Анджела вспомнила, как в первый раз посетила «Золотые дубы». Это было десять лет назад, когда умерла жена Джекоба Мейтленда. Отец отправился отдать дань уважения покойной, взяв с собой Анджелу. А после этого Анджела постоянно сопровождала отца, когда тот привозил долю своего урожая в амбар Мейтлендов. Но она никогда не была внутри громадного дома. А теперь ей предстоит в нем работать!

Анджела не испытывала унижения от того, что станет прислугой. Работать в этом роскошном доме значительно легче, чем на ферме. Анджела будет часто видеть Брэдфорда, когда он вернется в «Золотые дубы». И хотя он никогда не ответит на ее чувство, она будет находиться рядом с ним. А это самое важное.

Повозка подъехала к парадному входу. Анджела с восхищением смотрела на восемь огромных дорических колонн, которые образовывали широкую галерею

вдоль фасада. Затем она заметила чье-то лицо в верхнем окне. Но шторы тут же задернулись, и Анджела испытала чувство неловкости. Кто наблюдал за ее приездом?

- Итак, Анджела, добро пожаловать в «Золотые дубы», - приветствовал ее вышедший из дома Джекоб Мейтленд.

- Благодарю вас, сэр, - застенчиво улыбаясь, произнесла Анджела. Темно-синие глаза ее просветлели, и она почувствовала себя свободнее, когда за спиной Джекоба на галерее появилась Ханна.

- Мисси Анджела, я так рада, что ты согласилась здесь жить! - со свойственной ей экспансивностью воскликнула Ханна. - Я так опечалилась, когда услышала о твоём отце! Это здорово, что хозяин Мейтленд позаботился о тебе!

- Мистер Мейтленд очень добр ко мне.

- Анджела, я хочу, чтобы ты называла меня Джекоб. В конце концов, мы старые друзья.

- Хорошо, сэр... то есть Джекоб.

- Вот так гораздо лучше. - Джекоб широко улыбнулся. - Ханна покажет тебе твою комнату. И пожалуйста, Ханна, не очень утомляй ее своей болтовней. У Анджелы был тяжелый день, и ей надо хорошо отдохнуть. - Он снова повернулся к Анджеле: - Мы уже позавтракали, дорогая, но Ханна что-нибудь принесет тебе в комнату. Затем тебя пригласят к обеду. Мой сын Закари на южный манер имеет привычку вздремнуть после обеда - по причине жары... Как и его жена. Но ты увидишь их вечером.

- Пошли, мисси, - позвала ее Ханна, открывая дверь. - Я приготовила тебе комнату в прохладной части дома. Окна выходят на реку, оттуда постоянно тянет легкий ветерок.

Вслед за Ханной Анджела вошла в вестибюль. Она старалась держаться поближе к Ханне, когда та направилась к большой полукруглой лестнице в конце зала. У Анджелы не было времени рассмотреть картины в роскошных

рамах, висевшие на белоснежных стенах, или хотя бы заглянуть в открытые двери, мимо которых они проходили.

Поднявшись по лестнице, они оказались в широком коридоре во всю длину здания, в торцах которого были настежь открыты огромные окна, через них лился дневной свет и тянуло ветерком. В коридор выходило восемь дверей, по четыре с каждой стороны. Ханна повернула налево, прошла вперед и остановилась перед последней дверью.

Анджела следовала за ней, поглядывая на семейные портреты, висевшие на стенах. Она резко остановилась, когда с портрета на нее уставилась пара пронзительных золотисто-карих глаз. Портрет имел поразительное сходство с оригиналом. Художник мастерски изобразил гордо приподнятый подбородок, высокие скулы, прямой тонкий нос, улыбающиеся губы, высокий лоб и густые, слегка изогнутые брови, которые были под стать волнистым волосам. Замечательный портрет Брэдфорда Мейтленда!

– Это хозяин Джекоб. Очень хороший портрет. Его надо повесить в кабинете, – сказала Ханна, приблизившись к картине.

– А я думала, что это Брэдфорд.

– Нет, дитя мое, это хозяин Джекоб в молодости. Портрет хозяина Брэдфорда в другом конце коридора. Если их поставить рядом, можно подумать, что кто-то писал портреты с одного человека. Только глаза чуть отличаются. У Брэдфорда больше огня в глазах, потому что он не хотел, чтобы писали его портрет. И это видно. Он хотел, чтобы его портрет висел подальше от его комнаты. Его комната на этой стороне.

– На этой стороне?

– Да, – заулыбалась Ханна. – Я подумала, что тебе понравится жить в комнате напротив него... Если только этот мальчик когда-нибудь решит приехать сюда.

То, что она будет жить в доме, а не вместе с другими слугами, поразило Анджелу. Это было выше ее понимания. Возможно, Джекоб Мейтленд проявил такую щепетильность потому, что она будет единственной белой служанкой.

Анджела испытала замешательство, когда увидела комнату, в которой ей предстояло жить. Комната была больше, чем весь дом, в котором она прожила всю свою жизнь. Стены окрашены в розовые, голубые и лавандовые тона и, казалось, даже пахли лавандой. Ничего более прекрасного Анджеле видеть не приходилось! И эта комната будет теперь ее!

Пол был отполирован до такого блеска, что в нем отражалась изысканная дорогая мебель. Над массивной кроватью возвышались четыре высокие стойки, на которых был натянут отделанный оборками цветастый полог. Кровать была застелена покрывалом из тафты лавандового и голубого оттенков. Темно-синие бархатные шторы на окнах были задернуты, чтобы духота и зной не проникали в комнату. В углу располагалось удобное кресло; кроме того, в комнате стояли стол, длинный диван, комод и высокое зеркало в золоченой раме. Сумеет ли она привыкнуть к жизни в таких условиях?

– А ты уверена, что это... моя комната? – недоверчиво спросила Анджела.

Ханна засмеялась:

– Хозяин Джекоб сказал, что я могу выбрать для тебя любую комнату, и я выбрала эту. Они все приблизительно одинаковые... Понимаю, что ты не привыкла к этому, мисси, но надо привыкать. И не надо беспокоиться... а я очень счастлива за тебя. Теперь отдыхай, как велел хозяин.

С этими словами Ханна удалилась.

Отдыхать? В середине дня? Как это можно?

Легкий ветерок колыхал тяжелые шторы. Анджела подошла к окну и отодвинула одну из них. До реки было рукой подать, и Анджела представила себе, что она сидит у окна и любуется красивыми пароходами, проходящими мимо. За домом зеленел великолепный сад, из которого ветерок доносил запах жасмина и магнолий.

По эту сторону дома были разбиты пышные газоны, а дальше, ближе к реке, возвышались огромные виргинские дубы и трепетали раскидистые ивы. Дома для прислуги и конюшня располагались справа от дома среди густого кедровника. И все было так красиво, что захватывало дух.

Раздался стук в дверь. С подносом, уставленным едой, вошла девушка-мулатка примерно такого же возраста, что и Анджела, и, не говоря ни слова, поставила его на стол. Анджела ласково улыбнулась девушке. Она не знала, как вести себя с другими слугами, но ей хотелось с ними подружиться. Анджела надеялась, что они не будут на нее сердиться.

Глава 9

Все время после полудня и до самого вечера Анджела беспокойно ходила по своей большой комнате. Она пыталась прилечь на огромную кровать и отдохнуть, но девушке, которая никогда в жизни не знала праздности, это оказалось не под силу. Минуты для нее текли медленно и мучительно.

Почему ей не дали никакой работы? Она стала гадать, какие будут теперь у нее обязанности, – мистер Мейтленд забыл ей об этом сказать. Будет ли она обслуживать только одного человека? Анджела надеялась, что у нее не будет много работы. И она постарается, чтобы Джекоб Мейтленд не пожалел о том, что пригласил ее в свой дом.

А сейчас попусту уходит время, думала Анджела. Ну почему ей не поручили никакого дела?

Она открыла дверь и вышла в коридор. Тишина в доме, где находилось столько людей, членов семьи и слуг, показалась ей зловещей. Она сделала несколько шагов вперед, подошла к портрету Джекоба Мейтленда и улыбнулась. Любопытство погнало ее дальше, и наконец она отыскала портрет Брэдфорда. Анджела ахнула, когда взглянула на него. Это был не тот Брэдфорд Мейтленд, которого она помнила. Смуглое от загара лицо, непокорные волосы и черные злые глаза Брэдфорда делали его похожим на разбойника, или пирата, или на какого-то дикого индейца, способного убить недрогнувшей рукой. Этот Брэдфорд был опасным, страшным человеком.

Анджела невольно содрогнулась. Такого Брэдфорда она никогда не видела. Или видела? Не так ли выглядел Брэдфорд в тот вечер, когда спас ее от Бобо? Девушка покачала головой. Этого она не знала.

Анджела повернула назад и спустилась вниз.

Первая комната на ее пути оказалась столовой. Выглядела она весьма внушительно. Вокруг длинного стола располагалось десять стульев с высокими спинками и мягкими сиденьями. Из столовой было два выхода. Одна дверь оказалась открытой, и была видна огромная пустая комната, занимавшая едва ли не весь этаж. Анджела открыла вторую дверь и попала в кухню, выложенную красным кирпичом, которая была пристроена к дому позже. Крупная женщина раскатывала тесто на большом столе. Рядом с ней молодая девушка вынимала косточки из персиков, а маленький мальчик стоял возле нее, выпрашивая одну из них.

– Вы, должно быть, та девушка, о которой мне говорила Ханна, – с улыбкой проговорила женщина, увидев Анджелу. – Чем я могу вам помочь, мисси?

– Где я могу найти тряпку? – спросила Анджела. Женщина с любопытством посмотрела на нее, затем испачканным в муке пальцем показала на другую дверь:

– Там в чулане уйма всяких тряпок из старых платьев миссис Кристал.

– Спасибо, – с застенчивой улыбкой сказала Анджела и открыла дверь.

В небольшом чулане на полу стоял ящик для тряпок, но, заглянув в него, Анджела была поражена, увидев одежду из шелка, бархата, тафты и других дорогих тканей. Почему такие вещи попали в ящик с тряпьем? Отыскав лоскут белой хлопчатобумажной ткани, она направилась в столовую. Но пыли там Анджела не обнаружила и двинулась в соседнюю комнату. Как Анджела узнала позже, в этой комнате обычно завтракали. Небольшая по площади, она была обставлена таким образом, чтобы здесь разместилась вся семья. Стены, шторы и мебель были выдержаны в светло-голубых и белых тонах.

Пол и столы выглядели безупречно чистыми, но Анджела обнаружила следы пыли на шкафу, уставленном множеством статуэток, и стала протирать поверхность шкафа и миниатюрные стеклянные фигурки, которые прямо-таки очаровали ее. Анджела аккуратно, даже как-то любовно вытирала и переставляла хрупкие вещицы и не заметила, как стала что-то тихонько

напевать.

– Робби, я ведь говорила тебе, что здесь кто-то есть.

Анджела быстро повернулась и встретила с презрительным взглядом Кристал Мейтленд. Что касается ее брата Роберта, то он рассматривал Анджелу своими темно-коричневыми глазами со смешанным чувством удивления и удовольствия. Анджела знала Кристал лишь со слов Ханны, Роберта же ей случалось видеть в городе. Это был худощавый мужчина лет двадцати пяти, среднего роста, с белокурыми, как у сестры, волосами и тонким аристократическим лицом. Брат Кристал был близким другом Закари Мейтленда и в «Золотых дубах» бывал едва ли не чаще, чем на собственной плантации.

– По крайней мере она пытается принести хоть какую-то пользу, – проговорила Кристал, словно Анджелы вообще не было в комнате.

– Я уверен, что твой глубокоуважаемый свекор имеет вполне определенные планы в отношении сиротки, – кисло отреагировал Роберт.

– Робби, я уже говорила тебе, что не желаю поднимать эту тему. Отец не осмелится привести сюда свою любовницу, – не без яда возразила Кристал.

– Ты думаешь? – поднял бровь Роберт. – Взгляни на нее. Ведь ты не станешь отрицать, что она хорошенькая и что в этом доме слуг более чем достаточно. Возможно, старик выжил из ума и полагает, что мы не сможем определить истинную причину ее появления здесь.

– Прекрати! – резко сказала Кристал. – Если бы я тоже так думала, то прогнала бы ее. Но я в это не верю. И уверена, что ей придется немало потрудиться, чтобы оправдать свое пребывание здесь. Кроме того, приятно иметь в доме белую прислугу, особенно когда она приобретет более цивилизованный вид. Пока что она выглядит слишком дикой.

– Мне она кажется вполне ручной, – возразил Роберт, с ног до головы оглядывая Анджелу.

Щеки Анджелы вспыхнули. Похоже, брат и сестра не желали замечать, что она находится в комнате.

– Тебя зовут Анджела, девочка? – спросила Кристал, перенося свое раздражение с брата на Анджелу.

– Да.

– Тогда, Анджела, походи и принеси мне в гостиную стакан лимонада. Да поживей!

Анджела молча проскользнула мимо них и поспешила на кухню. Щеки ее все еще продолжали гореть. Ханна оказалась на кухне и приветливо улыбнулась при появлении Анджелы.

– Тильда говорит, что ты появилась раньше, и тебе не представили людей как положено, – сказала Ханна. – Это Тильда, лучший повар в округе.

– Я очень рада познакомиться, Тильда, – искренне проговорила Анджела.

– Я тоже, мисси. Хорошо, что вы будете у нас жить.

Анджеле хотелось остаться и поболтать, но она боялась заставлять Кристал Мейтленд ждать.

– Могу я налить стакан лимонада?

– Вы можете все, мисси, – живо откликнулась Тильда. – Вон кувшин на столе. Я только вытру руки и налью его вам.

Тильда подошла к кувшину и налила в большой стакан холодного лимонада, отчего Анджела вдруг почувствовала жажду. Она взяла стакан, поблагодарила и тут же вышла из комнаты. Кристал и Роберт продолжали беседовать, расположившись на большом зеленом диване.

Кристал взяла стакан с лимонадом, сделала глоток и скорчила гримасу.

- В нем мало сахара, девочка! Отнеси его обратно и сделай послаще!

Анджела снова взяла стакан и вышла из комнаты, но сразу за дверями услышала, как Роберт рассмеялся.

- С каких это пор ты стала сластеной? - спросил он.

- Я и не стала. Но я уже говорила тебе, что ей надо отрабатывать свое пребывание здесь, - ответила Кристал и хмыкнула: - В конце концов, будет даже забавно иметь в доме эту девочку.

- Да. Я подумываю даже продлить свое пребывание здесь, - задумчиво произнес Роберт. - Чтобы понаблюдать, как ты будешь забавляться... Между прочим, я и не подозревал, что у тебя есть некоторая склонность к жестокости, сестра. Если бы старик знал, что...

- Роберт, заткнись, ради Бога! - оборвала его Кристал, затем сказала с кислой улыбкой: - Папаша Мейтленд не должен знать об этом.

Анджела была близка к тому, чтобы разрыдаться, когда пришла на кухню. Быть жестокой ради спортивного интереса!

- Можно сделать лимонад послаще? - спросила она, стараясь не показать, насколько расстроена.

- Тильда кладет достаточно сахара в лимонад, - удивленно сказала Ханна. - Если есть много сахара, можно растолстеть, мисси.

- Но это не для меня, - пояснила Анджела. - Лимонад для миссис Кристал.

- А зачем ты несешь его ей? - вскинула брови Ханна.

- Она приказала мне.

- А потом сказала, что он недостаточно сладкий?

- Да.

- Господи, что эта женщина выдумала! Побудь здесь, мисси! И ничего не делай. Просто посмотри, как Тильда готовит пирог с персиками. Я отнесу миссис Кристал лимонад. А ты подожди здесь минут десять, а потом приходи в кабинет хозяина Джекоба. Он хочет побеседовать с тобой.

Через десять минут Ханна открыла дверь, и Анджела с трепетом вошла в кабинет Джекоба Мейтленда. Окна просторной комнаты выходили на задний двор, и она была ярко освещена лучами заходящего солнца. Одну из стен от пола до потолка занимали стеллажи с книгами. Вдоль второй стены на деревянных подставках стояли скульптурные изображения голов животных, над ними висели охотничьи ружья и картины, изображающие диких мустангов и степные просторы. Темно-коричневые шторы доходили до пола; мебель была обита черной кожей. Поистине это был кабинет мужчины.

- Ханна, скажи всем, чтобы подождали в столовой. Я задержусь на несколько минут, - распорядился Джекоб.

- Да, сэр, - ответила Ханна, закрывая дверь. На ее губах блуждала понимающая улыбка.

Джекоб вышел из-за письменного стола и подвел Анджелу к дивану.

- Дорогая девочка, произошло нечто, мне не вполне понятное, и я надеюсь, что ты мне поможешь во всем разобраться.

- Я буду рада помочь вам, сэр, - с готовностью откликнулась Анджела.

- Ханна рассказала мне, что ты пришла за стаканом лимонада, а затем через несколько минут вернулась, чтобы сделать его слаще. Это верно?

- Да, сэр.

- И лимонад предназначался моей снохе?

- Да, сэр.

- Она попросила тебя принести лимонад или заставила? - продолжал допытываться Джекоб.

- Это не имеет большого значения, сэр, - ответила Анджела.

- И все же?

- Ну, насколько я помню, она приказала мне, - кротко промолвила Анджела. - В этом нет ничего страшного.

- Но почему ты сделала это?

- Почему сделала? Да, я знаю, вы велели мне отдыхать, и я пыталась выполнить ваше приказание. Но я не привыкла отдыхать, сэр. Я должна что-то делать и поэтому спустилась вниз, чтобы узнать, не требуется ли моя помощь. Я стала протирать мебель, и тогда миссис Кристал приказала мне принести лимонад. Вы мне пока не сказали о моих обязанностях, но мне подумалось, что не будет большой беды, если я начну работать. Простите меня, мистер Мейтленд, если я рассердила вас.

- Ну что мне с тобой делать... Анджела? - рассмеялся Джекоб. - Еще один вопрос: моя сноха обращалась с тобой как с прислугой?

- Она не говорила об этом, когда беседовала с братом обо мне. Но это и так ясно. Наверно, вы сказали своей семье, зачем привезли меня сюда.

- Да, я сказал, - сказал он со вздохом. - Но, должно быть, я объяснил все не очень внятно... Пошли, мы сейчас будем обедать.

- Вы хотите, чтобы я накрыла стол?

- Нет, ты будешь обедать со всеми членами семьи, - терпеливо объяснил ей Джекоб.

- Но... я не могу! - встревожилась Анджела. - Им это не понравится!

– Я глава этого дома, Анджела. В моей семье могут быть упрямые и испорченные люди, но мое слово – закон! И, кажется, мы договорились, что ты будешь называть меня Джекоб, – с мягкой улыбкой сказал он.

Когда Джекоб и Анджела появились в дверях столовой, глаза всех присутствующих обратились к ним. Анджела почувствовала, как у нее вспотели ладони. Она не понимала, что происходит. Почему Джекоб настаивает, чтобы она сегодня обедала с ними? Это вызовет недовольство. Она уже чувствовала его – и именно из-за того, что Джекоб решил привести ее вместе с собой в столовую.

– У нас будет еще один гость, отец?

Этот вопрос задал Закари Мейтленд. Анджела никогда раньше не видела его, но признать в нем сына Джекоба было нетрудно из-за удивительного сходства с отцом. Он напомнил ей Брэдфорда, правда, глаза у него были светло-зеленые.

– Почему ты спрашиваешь?

– На столе лишний прибор, – пояснила Кристал.

– Это прибор для Анджелы, – ответил Джекоб и по очереди внимательно посмотрел на каждого из присутствующих, чтобы определить их реакцию.

– Вы не можете позволить ей есть вместе с нами только потому, что она белая! – возмущенно воскликнула Кристал. – Это просто нелепо!

– Да, это абсурдно, – поддержал ее Закари. – Что подумают другие слуги!

– Довольно! – оборвал его Джекоб. Это было сказано столь решительным тоном, что в комнате мгновенно воцарилась тишина. – Я намерен все объяснить вам, – проговорил Джекоб уже более спокойно. – Но прежде, Роберт, мой мальчик, уступи Анджеле свое место. Я хочу, чтобы она сидела рядом со мной.

Роберт считал Джекоба Мейтленда своим вторым отцом. Он считал так уже двенадцать лет – с того времени, когда близко сошелся с Закари. Молодой человек без единого слова выполнил просьбу Джекоба.

– Кажется, ты зашел слишком далеко, отец. Интересно, с чем еще мы должны смириться?

– Вы смиритесь со всеми моими желаниями, мой дорогой. Надеюсь, они все еще являются законом в этом доме.

Джекоб подвел Анджелу к стулу и слегка подтолкнул ее, побуждая сесть, затем занял свое место во главе стола. Анджела сидела ни жива ни мертва, с опущенными глазами.

– Теперь мне остается досказать совсем немного, – продолжил Джекоб ровным, спокойным голосом. – Я уже говорил вам, что один из моих арендаторов умер, оставив дочь сиротой. Я сказал также, что чувствую себя ответственным за Анджелу Шеррингтон, поскольку знал ее отца все эти годы, и что намерен пригласить ее жить в «Золотые дубы». То же самое я сказал и Анджеле. Какого дьявола все вы, в том числе и сама Анджела, пришли к заключению, что я пригласил ее в качестве прислуги?

– Ты хочешь сказать, что она не будет прислугой? – недоверчиво спросил Закари.

– Определенно нет!

– О Боже! Значит, Робби был прав! – воскликнула Кристал. – И вы осмелились привести сюда любовницу и посадить ее рядом с нами?

– Ради Бога! – поднял голос Джекоб. Глаза его гневно сверкнули. – Откуда ты взяла этот бред? Если бы я имел дерзость пригласить любовницу в свой дом, у меня хватило бы мужества сказать вам об этом. И коль уж вы коснулись этого деликатного вопроса, скажу вам, что у меня есть любовница, которая живет со всем комфортом в городе. Это милая вдовушка тридцати с лишним лет, не желающая вторично выходить замуж, хотя я и делал ей предложение. И я не такой греховодник, чтобы совращать девочку в возрасте Анджелы!

– Тогда зачем вы привезли ее сюда? – с вызовом спросила Кристал.

Джекоб вздохнул.

– Анджела должна стать членом нашей семьи, и к ней следует относиться соответствующим образом.

– Ты это серьезно? – засмеялся Закари.

– Никогда в жизни не был более серьезным. Я знаю Анджелу с момента ее рождения и всегда старался проявлять заботу о ней. Я испытываю к ней отцовские чувства, и, если она позволит, хотел бы стать ей отцом... Хотел бы заменить ей отца, которого она потеряла.

Анджела почувствовала, что к ее глазам подступают слезы. Все вопросы, которые ей хотелось задать, были заданы Кристал и Закари, и ответы на них получены. Неужели и в самом деле это возможно? За что судьба проявила к ней такую благосклонность?

– Анджела, прости, что не сказал тебе всего этого в кабинете, но я хотел сказать об этом только один раз, – ласково проговорил Джекоб. – И еще я сожалею, что не дал исчерпывающих объяснений, когда разговаривал с тобой после похорон. Но сейчас, когда ты их выслушала, согласна ли ты?

– Глупо отказываться от вашего любезного предложения, мистер Мейтленд... то есть Джекоб, – поправилась она на ходу.

– Великолепно! – Он оглядел сидящих за столом, словно выжидая, не появится ли у кого-нибудь из них дополнительных вопросов, затем, улыбнувшись, зычно выкрикнул: – Тильда, распорядись, чтобы подавали на стол!

Глава 10

Ночь казалась бесконечно длинной, потому что Анджела долго не могла заснуть. Она снова и снова возвращалась в мыслях к каждому слову, сказанному в столовой.

Кристал ненавидела ее – на этот счет Анджела не питала иллюзий. Совсем иное дело Роберт Лонсдейл. Поначалу он был удивлен, но затем Анджела

почувствовала в нем расположение к себе. Он весь вечер пялил на нее глаза, словно оценивал кобылу, которую собирался покупать. Впредь ей надо быть настороже с Робертом.

Затем Анджела стала думать о Брэдфорде. Ее беспокоило, как он отреагирует на случившееся. Ей внезапно пришло в голову, что Брэдфорду это может не понравиться, как не понравилось Закари.

Заснула она с мыслями об отце. Он был грубоват, да и к бутылке прикладывался слишком часто, но она любила его.

У нее было нелегкое детство, но она все отдала бы за то, чтобы снова оказаться дома с Уильямом Шеррингтоном. Когда она засыпала, по щекам ее катились слезы.

Ханна вошла в комнату в отличном настроении.

– Доброе утро, мисси! Солнце уже вовсю светит. Ты обычно не встаешь так поздно, верно?

Анджела открыла глаза и увидела, что комната залита яркими солнечными лучами.

– Который час?

– Начало девятого.

– Девятого! – Анджела соскочила с кровати и побежала в сторону небольшого чуланчика.

– Что за спешка, девочка?

Анджела остановилась, внезапно осознав, что спешить некуда и делать ей нечего.

– Ой, я, кажется, забыла.

Ханна весело засмеялась:

– К этой легкой жизни ты скоро привыкнешь. Тебе придется думать лишь о том, где завтракать – внизу или у себя в комнате.

– А остальные собираются завтракать внизу? – с тревогой спросила Анджела.

– Только мистер Лонсдейл. Хозяин Джекоб уже поел, а миссис Кристал ест в комнате.

– А Закари?

– Он с утра отправился в город. Отстраивает после войны адвокатский офис для себя.

– Тогда я спущусь завтракать вниз, Ханна, – решила Анджела. Поскольку ей не придется лицеизреть Кристал и Закари, которые питали к ней явную неприязнь, не было причин оставаться в комнате. – Чтобы совсем не облениться.

– Умница! Тебе надо делать специальные упражнения, потому что работы у тебя будет немного. А после завтрака хозяин Джекоб хочет видеть тебя в своем кабинете.

– Я опять что-нибудь не так сделала?

– Да нет, детка, просто он хочет поговорить с тобой, – успокоила ее Ханна. – Я сейчас пришлю Евлалию, чтобы она причесала тебя и помогла одеться. Она будет твоей личной горничной, если ты не возражаешь.

– Но я...

– Перестань! – Ханна не желала слушать ее возражений. – Ты теперь будешь леди, а леди ничего сами не делают, так что привыкай к этому.

Через некоторое время Андже́ла была одета в жесткое зеленое хлопчатобумажное платье, под которым находилась не менее жесткая рубашка. Она с гораздо большим удовольствием надела бы свои заношенные брюки и рубашку. Но Ханна забрала их, сказав, что про старье надо забыть.

Андже́ла опять пыталась возражать, но безрезультатно. Еще тридцать минут она вела спор с девушкой, которая должна была стать ее горничной. Евлалия получила от Ханны распоряжение сделать Андже́ле приличную прическу. Ее волосы спускались на несколько дюймов ниже плеч, и Андже́ла привыкла заплетать их в тугие косички или подвязывать лентой. Она выиграла баталию, и ее каштановые волосы были аккуратно прихвачены зеленой лентой.

Когда нанервничавшаяся Андже́ла вошла в столовую, она обнаружила там Роберта, потягивающего черный кофе.

– Я уж было решил, что вы не спуститесь к завтраку, – встретил ее доброжелательной улыбкой Роберт. – Я рад, что дождался вас.

– К сожалению, все заняло больше времени, чем я думала. А вы уже поели? – спросила она, смущаясь от его внимательного взгляда.

– Да, притом с удовольствием. Кулинарное искусство Тильды – одна из причин, почему «Золотые дубы» столь привлекают меня. Здесь, можно сказать, мой второй дом. Но сейчас, могу признаться, «Золотые дубы» приобрели для меня еще большую притягательность, – многозначительно проговорил он. Роберт непринужденно рассмеялся, затем добавил: – В моем распоряжении нет ничего, кроме времени, и нет ничего лучше, чем провести его с вами.

Лицо Андже́лы вспыхнуло, она села за стол и занялась завтраком. Она понимала, что не составит особого труда сделать Роберта своим союзником, однако опасалась, как бы от нее не потребовалась слишком большая жертва.

– А разве вы не занимаетесь управлением плантацией? – выразительно спросила она.

– Нет, пока жив мой отец. Ему не нравится, когда я помогаю ему, и, честно говоря, мне не нравится ему помогать. Хотя война значительно уменьшила его состояние, старик смог заплатить налоги за «Тени» и вполне управляется

самостоятельно. Как будто и не было войны. Так что мне остается приятно проводить время.

Анджела почувствовала раздражение.

- Остается пить да играть в карты... Все сыновья плантаторов одинаковы.

- Не все, - снова улыбнулся Роберт. - Некоторым везет меньше, чем мне.

Анджела в изумлении уставилась на него. Он принял ее слова за комплимент, не уловив скрытого сарказма. Он был поистине несносным. Она полагала, что люди, которые живут лишь ради своего удовольствия, оставляя работу другим, исчезли с окончанием войны. Очевидно, она ошибалась. Роберт Лонсдейл был именно таким человеком.

- Вы не хотели бы съездить на прогулку? - доверительным тоном спросил Роберт. - Не желаете осмотреть «Тени»? Отец восстановил усадьбу, и сейчас это опять весьма живописное место. Дом был разрушен во время войны, когда все рабы разбежались. Но они вскоре вернулись, поняв, что идея янки о свободе обернулась для них своей худшей стороной.

Анджела сдержала гнев. Роберт не мог переделать себя, а для нее было бы лучше иметь в его лице друга, чем врага. Она не отреагировала на его ядовитые слова и даже улыбнулась лучезарной улыбкой, довольная тем, что у нее есть предлог отклонить его предложение.

- Я бы с удовольствием отправилась с вами и осмотрела «Тени», мистер Лонсдейл, но Джекоб хочет побеседовать со мной после завтрака. Возможно, в другой раз, если вы не возражаете.

Роберт нахмурился лишь на мгновение, затем снова благожелательно улыбнулся:

- Ну конечно, это можно отложить до другого раза. И прошу вас - никакого «мистера Лонсдейла», Анджела. Зовите меня Робертом. Я настаиваю на этом.

Глава 11

Спустя некоторое время Джекоб Мейтленд взял ее с собой в Мобил. Они ехали в комфортабельном закрытом экипаже, в который не проникали жгучие лучи солнца.

Анджела еще не до конца осознала щедрость Джекоба Мейтленда. Она не могла даже предположить, что, говоря о своем желании стать ей отцом, он хочет распространить на нее все блага, которыми пользовались остальные члены семьи.

– Анджела, – начал он разговор в то утро, – ты говорила мне, что у тебя не было времени для учебы. Сейчас, когда тебе больше не придется работать, хотела бы ты пойти в школу?

Анджела с сожалением вздохнула:

– Я слишком стара для школы.

– Чепуха, – с улыбкой возразил Джекоб. – Учиться никогда не поздно. И потом, девочка моя, я не имею в виду обычную школу для детей. Я имею в виду частный пансион для молодых женщин.

– Но я не могу даже имени своего написать.

– Я найму учителя, который будет с тобой заниматься, после чего ты сможешь учиться в пансионе вместе с другими девушками. Выбор всецело за тобой. Я не говорю, что ты непременно должна поступить в пансион.

– Отчего же, я бы хотела учиться, – быстро ответила Анджела. – Мне всегда хотелось знать, что интересного находят люди в книгах.

– Ты сможешь выяснить это сама. А когда вернешься домой, поможешь мне разбираться с грессбухами.

– О, мне так хочется помочь вам, мистер... Джекоб.

– Отлично. Теперь решим вопрос относительно школы. Выбор большой – и здесь, и на Севере. Есть замечательный пансион в Массачусетсе. Одна из тамошних учительниц, Наоми Баркли, была близкой подругой твоей матери. И к тому же твоя мать училась в этом пансионе, когда ей было столько лет, сколько сейчас тебе.

– Моя мать ходила в северную школу?

– Да. Она жила в Массачусетсе, пока не приехала в Алабаму и не вышла замуж за твоего отца.

Анджела была поражена.

– Я и не знала... Папа никогда мне об этом не рассказывал. Я всегда думала, что она родилась здесь. А вы откуда про это знаете?

Джекоб поколебался, затем осторожно сказал:

– Я сам жил в Массачусетсе. У меня и до сих пор имеются там деловые интересы. Мой отец был знаком с родителями Чариссы. До депрессии 1837 года это была состоятельная семья. Потом родители умерли и оставили твою мать без гроша. Некоторое время Чарисса служила гувернанткой, затем приехала сюда.

– А зачем она приехала сюда?

– Ну, я не... Когда ты станешь постарше, возможно, поймешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Около 27 °С.

2

Имеется в виду Союз штатов.

Купить: <https://telnovel.com/ru/dzhoanna-lindsey/angel-vo-ploti>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)